

Наталья Поглавекая

СТИХИ ЗЕЛЕННОЙ ДАМЫ

1914-1916

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

XXVIII

Salamandra P.V.V.

**Наталья
ПОПЛАВСКАЯ**

СТИХИ ЗЕЛЕНОЙ ДАМЫ

Изд. второе,
исправленное
и дополненное

Salamandra P.V.V.

Поплавская Н. Ю.

Стихи зеленой дамы. Сост., подг. текста, биогр. очерк и коммент. А. Шермана. Рис. С. Лодыгина. Изд. 2-е, испр. и доп. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 167 с., илл. — (Библиотека авангарда, вып. XXVIII).

Поэтесса, актриса, кокаинистка, «королева наркоманов», старшая сестра видного поэта эмиграции Б. Поплавского — Наталья Поплавская промелькнула, как видение, на божественном горизонте Москвы 1910-начала 1920-х годов, оставшись в немногочисленных мемуарах (в том числе М. Цветаевой). Жизнь привела Поплавскую, автора знаменитого «городского романса» «Ты едешь пьяная и очень бледная», в Париж, на Мадагаскар, в Африку, Индию — и к ранней смерти в Китае. В издание вошел единственный поэтический сборник Поплавской «Стихи зеленой дамы» (1917), посвященные ей стихотворения и биографические материалы. Во втором издании книга существенно расширена за счет новых поэтических и прозаических текстов Поплавской, мемуарных свидетельств и биографических сведений.

© А. Sherman, состав, подг. текста, биогр. очерк, коммент., 2023

© Salamandra P.V.V., оформление, 2023

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 2017 г. нами был впервые, в сопровождении дополнительных материалов, переиздан единственный поэтический сборник Н. Поплавской «Стихи зеленой дамы: 1914-1916».

Найденные с тех пор материалы потребовали существенной переработки книги. Во втором издании в нее включены поэтические и прозаические тексты Поплавской 1917-1919 гг., обнаруженные в периодике, а также единственная известная нам фотография Поплавской. Добавлены посвященное Поплавской стихотворение В. Шершеневича и две рецензии; исправлены и расширены биографический очерк и комментарии.

Составитель и издательство приносят глубокую благодарность В. А. Дроздкову и некоторым другим коллегам, решившим остаться анонимными, за предоставленные материалы и помощь в работе.

А. Шерман
январь, 2023

СТИХИ ЗЕЛЕНОЙ ДАМЫ

1914-1916

Наталія Поплавская.

СТИХИ ЗЕЛЕНОЙ ДАМЫ.

1914—1916.

МОСКВА. — 1917.

ИГОРЮ — ЕДИНСТВЕННОМУ

«Пойми как поймешь»...

На моем зеленом платье
Горели красные маки.
От палящей жажды объятий
Были губы бесстыдно ярки.

В сердце тлели раскаленными углями
Бесплодной ревности гаммы.
И насмешливо настроенная публика
Назвала меня «зеленой дамой».

Помню я, обнаженные плечи
Холодели от взгляда слепого.
Миг печальный трагической встречи!
Столько сказано молча без слова.

Мы простились банально и просто,
Как прощаются в кинодрамах...
Этой встречи так грустно-острой
Не забудет «зеленая дама».

I.

РОЗЫ В ПУДРЕ

Другу моему —
Николаю Козьмичу Елину

MON AMI PIERROT

Николаю Елину

«Au clair de la lune»
«Mon ami Pierrot...»
Мальчик слишком юный,
Где твое перо?

А каприз мой страстный
Жаждет и зовет.
Нынче вечер ясный,
Он сюда придет.

Белая беседка,
Желтые драпри.
В этой тесной клетке
Будем ждать зари.

Мягкая кушетка,
Обнаженный стан.
Сердце бьется редко,
В голове дурман.

Как на светлой коже
Кольца губ видны!
Чем ты уничтожишь
Красные следы?

Розы дышат тяжело,
Я томлюсь и жду.
Расстегнулась пряжка,
Вся горю в бреду.

Чу! песок аллеи
Хрустнул под ногой.
Балахон белеет
Освещен луной.

Ты! О, запах пудры,
Влажный красный рот,
— Сердце, будь же мудро,
Он сейчас уйдет.

Смотрят в окна туи...
Больше нет надежд!
Шелест поцелуев
Сорванных одежд.

Сердце бьется реже,
Крепче рук кольцо.
Дунул ветер свежий
В жаркое лицо.

В парке все темнее,
Ласки все нежней,
Ты — луны бледнее,
Я — огня алей!

ВЕЧЕРОМ

Мы сегодня поссорились страшно,
Неужели он не придет?
Я сбежала по лестнице с башни,
Я бежала за ним до ворот.

Я сказала: «Мой друг, это шутка,
Я люблю бесконечно и жду».
Он ответил упрямо и жутко:
«Я сегодня к тебе не приду».

Он ушел. У садовой решетки
Я застыла в бессильном бреду.
Слуг к обеду сзывали трещоткой,
Птицы пели так звонко в саду.

Вечер гаснет. Спустились туманы
На балконе я кутаюсь в шаль.
И росой покрылись поляны
И темнее закатная даль.

Как я жду! В шелку палевом платья
Сердце жадно и звонко стучит.
В тонком теле истома объятья
Неумолчною жаждой звучит.

О, приди! Пряной, огненной лаской
Обожги! Задуши. Опьяни.
И за нашу безумную сказку
Мне стилет прямо в сердце воткни.

КАПРИЗНИЦА

На щеке Вашей красная царапина,
Это след чьих-то острых ногтей.
Мое платье цвета бургундского вина
С белой пеной кружев у локтей.

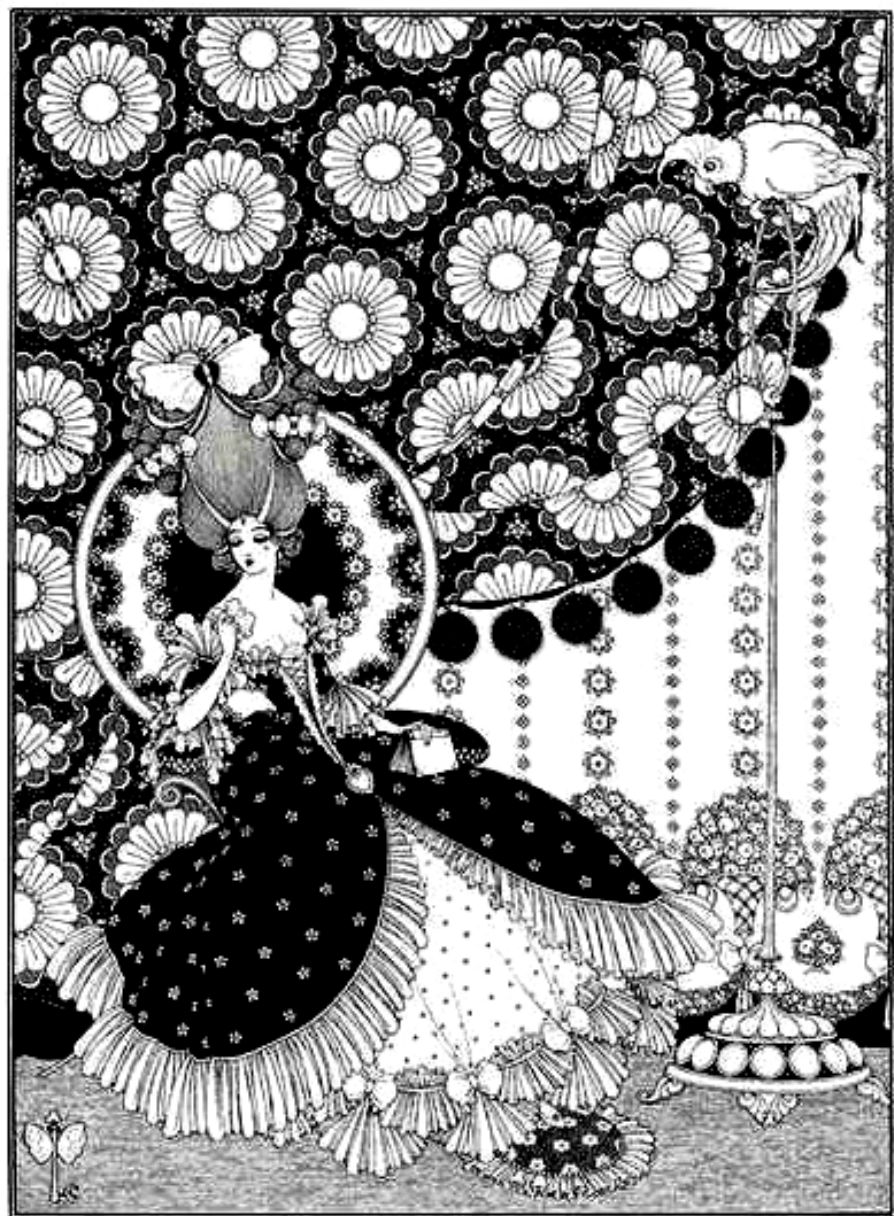
Мы идем по аллее подстриженной,
Негритенок несет мой трэн.
«Вы сегодня чем-то обижены?
Утомил Вас мой тягостный плен?

Да, я знаю, Вам скучно со мною.
Вам вскружила голову Цинтия.
Вы вчера любовались луною
У широкой клумбы гиацинтов.

Как красив был вишневый камзол
Подле пышного желтого платья!
Вот источник сегодняшних зол.
Что ж? Спешите в ее объятья.

О, простите! Мне не нужно оправданий
Я вполне понимаю Ваше чувство».
— Что такое? Меня... на свиданье?
Граф, Вы лжете очень искусно.

Да не верю, не верю! Не думаю.
У фонтана на пятой дорожке...
Неужели? Даже безумно?
— Ну, конечно люблю!... немножко.

ПОРТРЕТ

I.

Шелк скрипящий черного платья
И жестокая нежность корсета.
В сердце, может быть, стынут проклятья,
Мертвой дымкой взгляды одеты.

И под траурным бархатом шляпы
Слоем пудры покрыто лицо.
Тяжки ласки дьявольской лапы,
Все тесней их жадное кольцо.

Под глазами круги, а губы —
Лакированно-алый цветок,
Но румяна положены грубо,
Портят тонкие контуры щек.

Вы с ней встретитесь всюду, где можно
Хоть минуту забвенья купить,
И от глаз ее, четко-тревожных
Заструится тоскливая нить.

Кто она? Эти тонкие руки
Так бессильно и странно сплелись.
А в улыбке ее столько муки
Боязливо стремящейся ввысь.

ПОРТРЕТ

II.

Владимиру Королевичу

Портрет пожелтевший и милый,
В старинной, плюшевой раме,
Ты в сумерках вновь оживаешь
И шепчешь мне странную сказку
О мертвой и грустной любви.
Прикованный темною силой
Стою пред тобою часами.
А ты мне тоску поверяешь
И бредишь о стершихся ласках
И руки ломаешь свои.
И бледные, тонкие губы,
И стрелы ресниц твоих длинных,
И пышное, синее платье
В душе моей будят тревогу,
Волнуют желанья в крови.
Но луч электричества грубый,
Зальет тихий сумрак гостиной
И вновь застывает объятье
И губы сжимаются строго,
Нельзя их будить для любви!

II.

ПЕПЕЛ ЛЮБОВНЫЙ

ОСЕНЬЮ

Тихая осень. Холодное солнце.
Сыпятся листья.
Грустно склонила рябина в оконце
Красные кисти.

Плакать не надо. Как тихи и ясны
Глаза твои.
Слезы, мольбы, упреки напрасны,
Нет любви.

Встретились в церкви. Чье-то венчание,
Сколько гостей.
Как ты был бледен, в тусклом мерцаньи
Тонких свечей.

Значит, ты понял? Мы хоронили
Нашу любовь.
Осень. И в сердце холодном застыли
Слезы и кровь.

ЛЮБОВЬ УХОДИТ

Любовь уходит и пепел серый
На угли сердца ложится нежно.
И уж не вспыхнуть огнем мятежным
Глазам алмазным моей Химеры.

Любовь уходит. Дыханьем страсти
Разжечь пытаюсь больное пламя.
Истлело сердце. Мы гаснем сами,
Вернуть былое не в нашей власти.

Любовь уходит. И все, что дальше
Мне вспыхнет в жизни уже не свято.
И бледно ляжет печать разврата
На все, что было так чисто раньше.

МНЕ БОЛЬНО

Я иду. На пути умирают цветы,
В сердце лед.
Он ушел, мой Принц. Тихо вянут мечты,
Он не ждет.

И теперь все равно. Бледно-алый
Гаснет день.
Ничего не хочу. Я устала,
Плакать — лень.

Сердце стынет и ждет темно-синюю мглу,
Ночью — вольно.
Он вонзил мне в душу стальную иглу,
Мне так больно.

РАССВЕТ

Милыми пахнет духами
Смятой постели кружево.
Я не смеялась над Вами.
Слезы? Нет, слез не нужно.

Розовый сумрак спальни,
Розовый, томный фонарь,
Зеркало в раме овальной,
Четок старинный янтарь.

И над кроватью Мадонна
Грустный склонила лик
Все здесь спокойно и скромно
В этот пылающий миг.

Шепот Ваш нежный и жгучий
Ваши безумные ласки,
Мчит меня вихрь могучий
К золоту радостной сказки.

Жгут иступленно лобзанья,
Тесно сплетаются руки,
В бездну упало сознание,
Счастье дошло до муки.

Мчатся часы за часами,
Трезвое утро близится.
Больше, я знаю, мне с Вами
Уж никогда не увидится.

Пьяный туман сладострастья,
Пьяный туман в крови...
Не было, не было счастья
И ни намека любви.

Плачу? — Слезам вы не верьте,
Женские слезы — вода.
Холодны в тусклом рассвете
Смятых простынь кружева.

В КАФЕ

В этом маленьком, грязном кафе
(Ах, забыть, ведь не в нашей власти);
Еще тлеет ауто-да-фе
Моей прежней страсти.
В тусклом омуте пыльных зеркал
Милый облик я тщетно ловлю.
Так недавно он мне здесь сказал
«Я тебя люблю».

За диванами, в дальнем углу
Мы скрывали нашу любовь.
Помню ясно мальчика слугу,
С губами, как кровь,
И хозяйку за кассой направо,
И лица ее сонную лень.
Здесь мы пили утром какао,
Каждый день.

Помню нашу последнюю встречу
Холод нежных когда-то глаз,
Может быть, я тебя здесь встречу
Еще раз?
Может быть, ты захочешь, усталый
Вспомнить ласку ушедших дней?
— Помнишь, как я тебя целовала?
— Ты счастлив с ней?
Я жду безнадежно, безвольно,
Все прозрачнее бледный профиль.
— Как жутко. Как страшно. Как больно

.

Возьмите. Я не хочу кофе.

* * *

Мы шли с Вами весело — такие беспечные,
Такие спокойные. И ветер седой
Сорвал с меня шляпу. Смеялись встречные,
А сердце заискрилось новой мечтой.

О, сердце лукавое! Любовь обманувшую
Ты вновь не зови. Ведь на новом пути
Нам все же не сбросить оковы минувшего,
До светлой границы нет силы дойти.

Но мы улыбались губами усталыми
И взор погрузился в сияющий взор.
А пламя дрожащее вспылками алыми
Нас властно тянуло на Вечный костер.

РАЗБИТАЯ ЧАША

Я разбила хрустальную чашу
С золотисто-пьяным вином.
Отвечая на нежность Вашу
Я мечтала о счастье ином.

Я хрустальную чашу разбила,
Чашу с радостным страсти вином,
— Неужели все это было?
Ах, любовь мне кажется сном.

Я разбила хрустальную чашу,
Пролила дорогое вино...
— Как огонь меня жгли ласки Ваши,
Ну, а сердце — из камня оно.

НОВОБРАЧНАЯ

Катюше Лопатиной

На бархатной мебели робко белеет
Батиста и кружев волна.
Она от волнения и страха бледнеет,
Страданья и счастья полна.

Венок флер д'оранжа увял на комодке,
Разорвана в клочья фата.
Холодные ручки испуганно бродят
По тонкой цепочке креста.

И стыд и тоска покоряются страстно
В объятьи безумном и грубом.
И к хрупкому телу тянутся властно
Чужие и жадные губы.

Я люблю целовать на морозе
Твой девически-свежий рот,
Твоих глаз голубую угрозу,
Нежных щек ароматный мед.

Пусть несутся легкие сани,
Снего-пыль обжигает лицо.
Так прекрасно, в ночном мерцании
Звездного неба кольцо.

Улыбнись и шепни мне, как тайну,
Кто сильнее из нас влюблен?
О, зимы ледяное лобзанье!
О, серебряно-белый сон!

ОБМАНУВШЕМУ ДРУГУ

Говорить о прошлом я не буду.
Говорить о будущем — нельзя.
Верить мне неслыханному чуду?
— На реснице дрогнула слеза.

Ты молчишь и прячешь правду взгляда
Обманувший, но любимый друг.
Успокойся, ничего не надо,
Ничему я не поверю вдруг.

Знаю все — и все прощу. Не лги мне,
Улыбнись жестоким алым ртом
И забуду о твоей измене.
Все, что было, было только сном.

Я устала от ласки рук нелюбимых.
Поцелуй мертвят утомленные губы.
Не хочу я их больше, страстью палимых,
Все мужчины так дерзки и безжалостно-грубы.

Я мечтаю о друге, печальном и нежном,
Утомленно-красивом, изящном и хрупком,
С ним хотела бы плыть в океане безбрежном
И до дна насладиться радостным кубком.

В «МИНИАТЮРЕ»

Как ненужно и глупо звучали
Пошлого куплета слова!
Вы весь вечер упорно молчали
И у Вас болела голова.

У зеленой суконной занавеси
Пел без голоса белый Пьеро.
Я застыла в тоскливом трансе,
На душе так странно серо...

О, потерянный вечер в «миниатюре»,
Синих глаз усталая сталь...
Покоряться в моей натуре,
Но сегодня себя мне жаль.

Мы простились братским поцелуем,
Холод губ Ваших сердце леденит.
Вся в слезах сегодня засну я,
Завтра вновь телефон зазвенит.

III.

ЖЕНСКОЕ

Марии Леонидовне Юрьевой

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНС

Тихий вечер грустит за окном,
Догорает печально камин...
Не хотела я думать о том,
Кто так горд и надменно один.
В синем пламени жарких углей
Вновь ищу я забытые сны,
Грезы тихой печали моей
И мечты отзвеневшей весны.
Но сгорают и гаснут огни,
Не вернуть уходящих теней,
Не вернуть отлетевшей любви.
И потянутся снова они,
— Одинокие, тусклые дни.

В бледном тумане дождливого утра,
Грустно и нежно на сердце усталом.
Все поняла я. Спокойно и мудро
Слушаю шепот тоски запоздалой.

Поздно! Не надо огня сожалений.
В сердце печальном холодная осень.
Падают, падают листья забвенья,
Красные знаки изжитых весен.

В ВАГОНЕ

Розы умирают в духоте вагона.
Вечер грустный стукнул в темное окно.
Чей-то взгляд тревожный, брошенный с перрона
Рвет молчаний робких ломкое звено.

Тихо тают горечь и тоска разлуки,
Убаюкал сердце мерный стук колес.
— Сколько там осталось трепета и муки,
Яд перегоревших выплаканных слез.

Сколько там осталось... нет, не надо помнить,
Разве снятся мертвым их земные сны?
Я судьбе вернула дней минувших нить,
Буду ждать в грядущем солнца и весны!

В ГОРОДСКОМ САДУ

Хочется плакать от грустной музыки!
— Плакать нельзя в Городском саду.
Кто с нами шел переулками узкими,
Кто так устало сказал «Приду..?»

Небо глубокое, черное. Пьяная,
Душною ночью, бредит луна.
Чьи-то глаза были жутко туманны.
Чаша тоски до краев полна.

Мертвым, безрадостным будет свиданье.
Мертвыми будут холодные слова.
— Нет! Я боюсь Вашей темной тайны.
Не приходите. Я Вас не звала.

УТРОМ

Просыпаюсь утром горячим и томным,
Лениво натягиваю чулки.
Кто-то прошел под моим балконом
По мелкому гравию четки шаги.

Ослепительным блеском сверкнуло море,
Перламутром отливает даль.
Солнце властно раскинуло в бледном просторе
Золотую, жгучую вуаль.

Ах не все ли равно, что разбиты и смяты,
Ветром развеяны мечты...
Столько светлых восходов и алых закатов
До последней осталось черты!

Снова четки шаги под высоким балконом,
Кто-то ждет у белых колонн...
— Что же? Бросить изменчивым страсти законам
Свой влюбленный и нежный сон?

НОЧЬ

Плачет горячая, черная, страстная
Ночь.

Прочь — вы, мечты, золотые, напрасные,
Прочь.

Сердце ревнивое, сердце стоокое,
Спи.

Спи истомленное, спи одинокое
Спи.

Мечется, плачет и хлопает крыльями
Ночь.

Прочь — вы, мечты, оказались бессильными,
Прочь.

НА МОТИВ Н. ЛЬВОВОЙ

Зине

Со всех сторон нас жгут и жадное желание
И страстная мольба и нежность робких глаз,
И нам не бросить «нет» извечному страданию
И мы несем свой крест, под тяжестью склонясь.

О, крест любви! Его любовь мужская
Не может знать. Он наш — и только наш.
А если стонем мы, под ним изнемогая,
Они нам говорят: «Истерика и блажь».

Мы только женщины, и, корчась в страстной муке,
Пред жаждою мужской не можем устоять,
И всем мы отдаем трепещущие руки
И губы красные, бессильные проклясть.

Нам не порвать кольца пылающих желаний,
Нам не найти пути потерянного вновь.
И распинает нас, истерзанных страданием
На огненных крестах Владычица-Любовь.

Душа умирает без жалоб,
Без стога, без слез, без упрека.
И я ничего не сказала,
И ты — безвозвратно-далеко.

Весенний, ласкающий вечер.
Мечтами истерика тает.
Болят мои тонкие плечи,
Тоска так жестоко ласкает.

И я подчиняюсь покорно
Холодной, мучительной ласке.
А в сердце разбились узоры
Едва распустившейся сказки.

ПОСЛЕ СВИДАНИЯ

Страстно искусаны губы усталые,
Тонкое тело объятьями смято.
В сердце тревога, тоска запоздалая,
Сердце любовью и ревностью взято.

Ласки безумные, нежные, жгучие,
Вся напоенная сладкой истомою
Ты погружаешься в грезы певучие,
В негу прекрасную и незнакомую.

ПОСЛЕ БАЛА

Смятые вянут цветы,
Гаснут устало огни.
Смятые гибнут мечты,
Гаснут усталые сны.

И не хочу ничего,
Только спокойно лежать.
Сердце, молчи! Для чего
Вновь о былом вспоминать?

У РЕЗНОГО ОКНА

По покоям тесным терема большого,
Точно птица в клетке, бьется грусть моя.
Целый день, склонившись у окна резного,
Золотом и шелком вышиваю я.
Темнокудрый Игорь, королевич смуглый,
Одинокый сокол, долго ль ждать тебя?
— На холодном небе выплыл месяц круглый...
Милый светлый месяц, он забыл меня!

Ты, печальный месяц, светишь дальним странам
Видишь грозной битвой смятые поля...
Может быть, лежит он и от алой раны
Пропиталась кровью черная земля?
Ты, усталый месяц, плыл сюда морями...
Может быть, несется в пасти пенных волн
Труп его застывший, с мокрыми кудрями,
Взор последней мукой и тоскою полн!

Нет! Не верю. Знаю, должен он вернуться.
Буду ждать, склонившись у резных окон.
Пусть года, как листья желтые несутся,
Пусть века несутся — но вернется он!
Вспыхнет пламя счастья алыми огнями
На груди могучей я замру, любя...
— Точно четки, нижеет Время дни за днями,
Точно птица в клетке, бьется грусть моя.

IV.

ГОБЕЛЕНЫ

Графине Екатерине Сергеевне
Толстой-Знаменской

КОРОЛЕВА

Осень. Пыльная дорога.
Сумерки. Печаль.
Королева у порога
Смотрит вдаль.

Мрачен замок. Хмуры башни,
Не видать огней.
Королева плачет. Страшно,
Страшно, жутко ей.

Как корона лоб ей сжала!
Как тяжел наряд!
— Все бы бросила, бежала...
Черен стражи ряд,

Всюду стража. Латы блещут.
Ей нельзя уйти.
Сердце бьется и трепещет
В молодой груди.

В спальне муж седой и хилый.
И пора идти.
«Где же бьется рыцарь милый,
На каком пути?»

Брошу мужа и корону,
Замок, пышный трон.
Я люблю. Мне нет закона!
— Где же скрылся он?

Исхожу я все дороги
Нищенкой босой.
Изорву о камни ноги,
Смою кровь росой.

Я люблю! Терпеть бесплодно
Больше нет уж сил!»
Но сурово страж холодный
Путь ей преградил.

И пошла она, рыдая,
В спальню к королю...
И по сводам, замирая,
Пронеслось: «Люблю».

ДОЧЬ КОРОЛЯ

Серебристым цветком притворилась земля
В эту лунную ночь.
На высоком балконе стоит короля
Темнокудрая дочь.

До рассвета стоит, до рассвета глядит,
Словно ждет.
А лукавая ночь и томит и манит
И зовет.

Синеглазого рыцаря, дочь короля,
Ты не жди.
Ты же знаешь, где он. Его гложет земля,
Он не может прийти.

Он не может прийти, он не властен прийти
Что ж ты ждешь?
Иль не твой навсегда в его мощной груди
Острый нож?

Ты убила его. И бессильны теперь
Эта ночь и луна.
Так пройди же к себе и закрой свою дверь,
Ты одна.

Эта лунная ночь и томит и манит
И зовет.
Что же дочь короля до рассвета стоит,
Словно ждет?

ГОРЕ КОРОЛЕВСКОЙ ДОЧЕРИ

Баллада О. Уайльда

Семь прекрасных звезд на небе,
Семь горят в воде.
Семь грехов в душе царевны,
Скрыты в глубине.

Роз алеют под ногами
Целые снопы.
Розы в косах золотистых
В сердце же шипы.

Глянь! На дне речном под илом
Рыцарь молодой.
Рыбы жадные собрались
Вкруг него гурьбой.

Юный паж лежит без жизни
У речной волны.
Глянь! Вороны выются злые
Словно ночь черны.

Оба мертвы. Кто убил их?
(Кровь ей руки жжет.)
Ах, цветы кувшинок белых
Эта кровь зальет.

Всех их четверо примчалось
С разных все концов.
Черным воронам пирушка
(Ей не снять оков).

Есть один — один, кто любит.
(О, как кровь красна!)

Он под ивой рыл могилу,
Четверым — одна.

Бледный месяц скрылся с неба,
Душит мгла равнин.
Семь грехов в душе царевны,
У него — один.

V.

ОТБЛЕСКИ РАМПЫ

Я актриса. На лице моем
Не ищи следов душевных ран.
Все я скрою толстым, мертвым слоем
Пудры и румян.

Я актриса. Каждый вечер вновь
Отражают ярко зеркала
Алость губ, накрашенную бровь,
Белизну чела.

Залитая лживым светом рампы,
В пестром блеске наглой мишуры
Я сплетаю изысканных ямбов
Золотые шнуры.

Я актриса. Бедный, нежный друг
У меня ты не проси любви...
Не тяни ко мне с мольбою рук,
Не зови.

Каждый вечер перед жадною толпой
Я бросаю пьяный, сладкий яд,
Отдаюсь ей. Видишь не — тобой
Мой венок измят.

Каждый вечер жестяной кинжал
Разрывает пламенную грудь.
Арлекин меня в объятьях сжал
Навсегда... Забудь!

«ТОТУ» — ПЕВЦОВУ

Единственному

Вечер. Пьянящая музыка танго.
Сыпятся красные розы.
Мчатся они на красавцах мустангах,
Оба прекрасны, как грезы.

«Тот». Он весь в прошлом. В звуках пощечин
Жизнь его — дикая пляска.
И на лице его скорбно хохочет
Жутко-веселая маска.

«Слушай, царица! Я шут твой влюбленный
Ты же не знаешь меня.
Может быть, бог, красотой опьяненный
Небо забыл для тебя.

Вспомни молитву гор, Консуэлла».
Сыпятся красные розы.
«Если бы только ты захотела».
Льются холодные слезы.

Танго. Кровавая занавесь цирка
Дрогнула алым пожаром.
Вы не слышали безумного крика?
«Тот» в исступлении яром.

«Тише. Царица уснула. Ни звука!
Девочке хочется спать».
Сердце сжимает горящая мука.
«Тише, не надо рыдать».

Танго и розы. Розы и грезы.
«Спи, Консуэлла моя.
И не боюсь я паучьей угрозы.
Я не оставлю тебя».

Смерть — и любовь. Кто он? Смертный ли, бог ли?
Сыпятся красные розы.
«Тише. Царица уснула. Без воплей».
Танго и розы. И слезы.

ЗАКАТ

Дышат сыростью теплой пустые поля.
Умирает закат на небе бледном.
Неужели кончена сказка моя?
— Он был весел нынче за обедом.

За обедом мы спорили, громко смеясь,
А сейчас меня уносит курьерский.
Завтра вновь окунусь в московскую грязь.
Стану наглой, холодной и дерзкой.

Но в ритмическом стуке грузных колес
Слышу стон отчаянья глухого.
— Впрочем, месяц в Крыму ничего не принес,
Кроме скуки, да сплина тупого.

Там — луна, кипарисы, море шумит,
А ночами уснуть нельзя.
По балкону летучая мышь шелестит
Еле-еле крылом скользя.

Утром ласточек пенье и солнца огни
Разливались в трепете знойном.
Кто-то ждал терпеливо в прохладной тени,
Под платаном высоким и стройным.

Это было, как сон — и как сон ушло.
Жизнь — груба — жестока — жадна.
Что же в сердце так властно огни загло
Что гасить их я кровью должна?

ДАМА В ЛИМУЗИНЕ

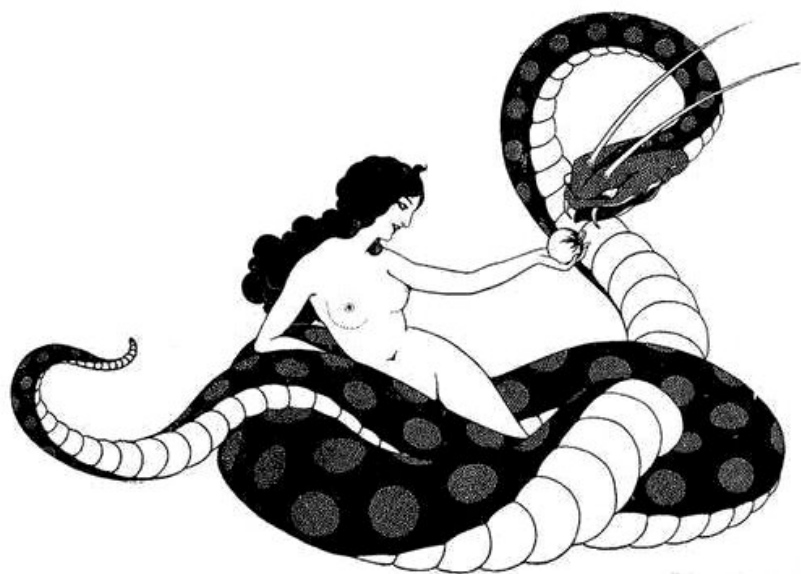
А. Н. Вертинскому

В черном лимузине, с шелковой обивкой,
У театра, в полночь, ждет она меня,
Кутаясь тревожно в шеншилля накидки,
И, качаясь, серьги длинные звенят.

Выхожу усталый, со следами грима,
С ласковой улыбкой подведенных глаз.
Часто — очень часто, прохожу я мимо,
Но сегодня как-то жаль обидеть Вас.

Дама в лимузине, с яркими губами,
Я люблю Ваш тихий, невеселый смех...
Дама в лимузине, с острыми духами,
Вы влекуще-нежный и томящий грех.

Дама в лимузине — в Вашем сердце рана,
Ваши поцелуи, как укусы змей.
Стой, шофер! Довольно. Не хочу обмана
Ласки бледной Дамы душу мне сожгли.

М-ЛЕ ИЗИДА

Перед зеркалом — пудра и краски,
Шпильки, веер, кольца от Тэт'а,
На лице румяная маска,
Как нарядная кукла одета,

Блестки, бисер, цветы на платье,
Так на елку убирают конфеты
И себя не могу узнать я
В ярком блеске лживого света.

Скоро выход. Сейчас кончает
Тамара, цыганская певица,
И оркестр вальс начинает,
Вальс — мой номер, надо торопиться.

Я гадаю негритянке Кики —
На картах любовь и обида,
Но трещат режиссерские звонки:
«Живо! номер М-Ле Изиды».

Выбегаю. На миг уплывает
В прямом ритме плавного танца
Муть кулис...

Но в ложе ожидает
Директор гостиницы «Франция».

И в усталом, тупом сознание
Не вспыхнет искра протеста.
А коньяк сожжет воспоминание,
Что была я чьей-то невестой.

Вы шантанный актер. На ярких плакатах
Ваше имя кричит огромными буквами.
О, я знала — придет минута расплаты
За страсть к холодной, раскрашенной кукле.

Я бросила сердце на Ваши подмостки,
А Вы каблуками его раздавили.
Раздавлено сердце на грязных досках
И капли крови покрылись пылью.

Помню — целовала руки Паяца,
Мягкие руки в пятнах грима...
О, как теперь я буду смеяться,
Как буду смеяться, проходя мимо.

Да, я пред Вами стояла на коленях,
Стояла пьяная Вами только раз.
Это было ночью — теперь день и я
Хочу — не могу сломать марионетку проказ.

Мне нравится тоски бестрепетная нежность
И серых глаз влюбленная печаль,
И пудра на лице, и странная небрежность
В улыбке бледных губ, которых смутно жаль.

И руки мягкие, и пальцев тонких ласка,
Их сладко целовать, свернувшись на ковре.
А после прятать боль под равнодушной маской,
Прощаясь в холоде рассвета на дворе.

И знать — все время знать, что жадными губами
Он зацелован весь, как мраморный святой
В костеле краковском, украшенный цветами
На пестром алтаре застывший и немой.

Но пусть кругом толпа в молитве исступленной
И фимиам, и свеч мерцающий восторг,
И женщин пламенных, безумных и влюбленных
Горячий шепот — он их всех отверг.

Не хочет он любви, устал от жажды счастья
И топчет женщину, в погоне за мечтой.
Он — Принц-Пьеро, измучен красной страстью,
Заласканный, больной, развратный и святой.

VI.

ВСТРЕЧИ СЛУЧАЙНЫЕ

О, не правда ли мое оправдание
Ваше наслаждение?

И. Северянин.

Мое чувство к Вам — маленький ландыш
У подножья высокой сосны.
Но вы теперь играете Карандышева
И Вам не до весны.

Я скрывать не умею — Вы сердитесь,
А молчу — упрекаете в холодности.
Я же страдаю, если Вы гневаетесь.
Вы правы — у меня нет гордости.

Я люблю — но вашей невесте
Всегда уступаю дорогу.
Знаю — нам не идти с Вами вместе,
Мне осталось — плакать у порога.

И бесплодны мои страдания,
Вы жалеть никогда не умели.
О, не правда ль — мое оправданье
Вы этого хотели?

ОН ТОЛЬКО ПРАПОРЩИК...

Александр Николаевичу Дурасовичу

Он только прапорщик — с глазами синими
С глазами Врубелевских картин.
Душа покрыта усталым инеем.
Любимый многими — всегда один.

Трепещут женщины при этом имени.
Но не Пьеро, не Арлекин,
Он только прапорщик с глазами синими
С глазами Врубелевских картин.

СОНЕТ

Иллариону Николаевичу Певцову

Холодный блеск пустых, прозрачных глаз,
Движений гибких странная истома.
Душа его «в изысканном изломе
Мечтой отравленный алмаз».

Душа его усталая блудница
В ней бледный луч стыда давно погас.
Душа его измятых, страстных фраз
Полузабытая страница.

Все в нем изгиб. Все в нем звучит загадкой,
Печальный бог с развратно-нежным ртом
— И жалкий шут!.. Но радостно и сладко

Внимать бубенчикам твоих лохмотьев ярких.
Под их мелодию забыться пьяным сном,
И ждать мучительной и пламенной развязки.

IMPRESSION

Виктору К.

Солнца было много
В нашей первой встрече.
Белая дорога,
Кипарисов свечи.

Синева морская,
Неба блеск лучистый,
А лицо ласкает
Ветерок душистый.

Вдруг виденье встало
В грезе жаркой полдня.
Сердце застучало,
Ничего не помню!

— На коне могучем
Стройный мальчик мчится.
Легкой, белой тучкой
Сзади пыль клубится.

Шапка кудрей черных,
Профиль гордый, смуглый
И зрачков огромных
Золотые угли.

Веял образ милый
Детской чистотою.
Юношеской силой,
Страстью и мечтою!

МОЕМУ АНГЛИЧАНИНУ

На чуждом языке томительно и сладко
Поют его слова. Погас весенний день.
И холод серых глаз мне кажется загадкой,
А в сердце тишина и радостная лень.

Автомобили, пыль. Усталый город властно
Нас заковал опять в свой душный, цепкий плен,
И вновь чужие мы. И вновь звучат бесстрастно
Знакомые слова в тени угрюмых стен.

О, если б все сказать в одном порыве смелом
И жадным ртом прильнуть к раскрывшимся губам,
Забыть о прошлых снах, о страсти помертвелой
И бросить душу в пасть нахлынувшим волнам.

НА КУЗНЕЦКОМ

Леониду Приходько

Указал мне Вас с радостным смехом
Злобный дьявол, от пыли седой.
Отозвался мучительным эхом
Этот смех на серой мостовой.

А кругом грохотали экипажи,
От людей дрожал тротуар.
— Вы похожи на стройного пажу
Королевы Марии Стюарт.

Когда Вас встречаю на Кузнецком,
Злобный дьявол хихикает: «Вот».
В Вашем шаге упругом и дерзком
Яркой страсти слышу гавот.

Так красив. Такой накрашенный.
Дикой болью сердце объято —
Так и тянет под толстые шины
Пролетающих мимо auto.

ИЗ ЛИТЕРНОЙ ЛОЖИ

Я смотрю из литерной ложи
На лицо Ваше в первом ряду.
Вы теперь бледнее и строже,
Чем недавно в пыльном саду.

Тихо плачут печальные скрипки
И рыдает тоскливо рояль.
На лице Вашем бродит улыбка,
Мне чего-то мучительно жаль.

Я не знаю имени Вашего
Вижу в первый и последний раз.
— Но сейчас так много в нашем
Странно-тусклом поцелуе глаз.

В ИСТОМЕ ЛУНЫ

Бледен профиль капризный в истоме луны.
Губы жадно трепещут, желаний полны.
В твоих сильных объятьях, нежна и грешна,
Я молчу... Может быть, эта нежность смешна?

Что же? Смейся! Ты знаешь, тебя я люблю.
Все рабыня простит своему королю.
Мчатся кони. Уж гаснут огни фонарей,
Легкий ветер проносится в чаще ветвей,

Скоро будет светать, закатилась луна.
— Как молчит, притаившись, весенняя тьма,
Как пьянит она душу и знойной волной
Прочь уносит рассудок, сознание, покой.

Не целуй моих рук. Твои губы горят,
Твои губы горят и томят, и томят...
Не смотри этим взглядом, молю, не смотри,
Ах, ужель никогда не дожждаться зари,

Не дожждаться холодного, ясного дня,
И волшебница-ночь околдует меня!
— Поздно, поздно! Горячие губы слились
А усталые кони опять понеслись.

Ты со мной! Ты со мной! Я тобою пьяна...
Эта грешная ночь мне на счастье дана.

В. А. Полонскому

Улица черная, мокрая, длинная,
Тускло горят фонари.
Шепчет в душе моей сказка старинная:
«Любишь — умри».

В сердце тревога... А светят прекрасные
Синие светят глаза.
Прочь размышление, раздумье напрасное,
Любовь — гроза.

Холодно, дождик. Но розы на золоте,
— Всюду, куда не взгляну.
Знаю, что в синем и ласковом омуте
Вся утону.

Ольге Дурасович

Под сладкий плач румынского оркестра
Так остро колют иглы cordon vert,
Отделка стен уродливо пестра
И нагло ярк голубой ковер.

А в узкой вазе ветка тубероз
Струит удушливый и пряный аромат.
В твоих глазах то искорки угроз,
То страстные огни, томясь, дрожат.

Я вижу в зеркале — я мертвенно-бледна.
Горят уста — края кровавых ран.
Моя рука, устало-холодна
Безжизненно упала на диван.

Сказать тебе о том, что в сердце боль,
Что нет любви и что душа пуста
Я не могу. Ведь ты не мой король
И через нашу пропасть нет моста.

Слова любви звучат издалека.
Как режет взор хрустальной люстры свет,
О, замолчи! Моя тоска горька,
Но я должна тебе ответить «нет».

Ты едешь пьяная и очень бледная
По темным улицам, домой, одна.
И странно помнишь ты скобку медную
И штору синюю его окна;

И на диване подушки алые,
Духи d'Orsay, коньяк Martel.
Глаза янтарные, всегда усталые,
И губ распухших горячий хмель.

Пусть муж, обманутый и равнодушный,
Жену покорную в столовой ждет.
Любовник знает — она послушная,
Молясь и плача, опять придет.

А. А. Спиридоновой

Ждать по неделям звонка телефонного,
Плакать над Вашим портретом,
Вечно обманывать мужа законного
Грустным и лживым ответом.

Слушать Ваш голос насмешливо-ласковый,
Знать, что любовь умерла,
Но надевать равнодушную маску,
Сядясь у чайного стола.

После, забившись в кресло старинное,
Вспоминать мертвой страсти угар,
Узор ковра в турецкой гостиной
И запах Ваших сигар.

Я сказала ему: «Ваш гордый профиль
Точно скульптором из камня высечен...»
— Он ответил: «Представьте, в клубе за кофе
В карты выиграл я три тысячи».

Я сказала ему о моей печали
О моей одинокой тоске...
Он спросил меня просто: «Вы читали
Отчет о бегах в “Листке”?»

Я сказала ему: «Нет, Вас не люблю я,
Вы бездушно-красивый зверь!»
Смеется... волю сломил поцелуем.
На ключ запирает дверь.

Ты на коленях мне целуешь руки.
Оставь. Уйди. Я не хочу тебя.
Не стоишь ты ни радости, ни муки,
Мне все равно, что ты совсем моя.

Не жаль мне глаз твоих тоски отчаянной,
Не жаль застывших темно-красных губ...
Тебя сегодня повстречав нечаянно,
Я был с тобой безжалостен и груб.

О, штамп любви влюбленно-страстных женщин,
О, ласк безумных исступленный чад!
— Я так устал и так давно развенчан
Манивший долго, слишком долго, клад.

Мой бледный рот раздавлен поцелуем
Я яд желаний нежно берегу.
Меня любовь не жжет и не волнует.
Оставь. Уйди.
Я больше не могу.

Р. Е. Столице

Приехать домой на рассвете,
В шальной и пьяной тоске...
Вдруг прядку седую заметить
На чем-то темном виске —

И вспомнить — странно-просто,
Твоих волос Вежеталь,
И профиль, смуглый и острый,
Сквозь синего дыма вуаль.

И сердцу станет так больно,
Так страшно любовь вспоминать,
И губы дрогнут невольно...
А кто-то начнет целовать.

VII.

ПОЖЕЛТЕВШИЕ ПИСЬМА

Eudoxie

СТАРЫЕ ПИСЬМА

В этих письмах пожелтевших
Столько муки.
Горечь страсти потемневшей,
Боль разлуки.

В этих письмах столько ласки,
Нежного упрека.
Время стерло в сердце краски
Так жестоко.

Лишь остался бледный очерк
Глаз молящих.
Да капризный, нервный почерк
Строк дрожащих.

За муку волнений, тревоги и страсти
За жгучее пламя в крови,
За нежность больной и безумной любви
Милый, прости.

За ревность, за слезы, за скуку упреков
Сердиться не смей.
Я знаю — не любишь. За горечь урока
Меня пожалей.

Любить и молчать. Пусть душа изнывает,
Пусть рвется на части — молчать.
Пусть горечь, тревога и боль нарастают —
Молчать.

Томиться тревогой и жаждой свиданья
И ласк упоения ждать,
Отбросить все в мире, мечты и желания,
Молчать.

Нет, не вини меня. Правдив порыв был мой
И искренне вполне
Что я люблю безумно, всей душой
Казалось мне.

Не знала я, что ты — совсем не ты,
А лишь мечта
Моей любви, искавшей красоты
Везде, всегда.

Ошиблась я. Возврата нет—
Да и к чему?
Прощай. Люби! Я вижу свет
Сквозь ночи мглу.

Мой путь суров. Но цель близка
И верю я.
— Прости! К чему теперь тоска?
Забудь меня!

ВЕСЕННЕЕ

Не целуй! Подожди. Поцелуев не надо,
Я устала от ласк, я хочу отдохнуть.
Сядем здесь, на скамью возле старой ограды.
Странной сладкой тоскою полна моя грудь,

Как все тихо кругом. Ночь крадется чуть слышно,
Сумрак в чащу ползет и окутал весь лес.
Над поляною ветви раскинулись пышно,
Наступает пора темных тайн и чудес.

Дышат негой истомной дрожащие фиалки,
Притаились цветы, что-то шепчет трава.
Как мне люди вдруг стали ненужны и жалки,
Как бессильны и бледно-усталы слова.

Гуще сумрак. Лицо твое слабо бледнеет,
Ты со мною, ты здесь, но я все же одна!
Чьи-то тени над нами туманами реют,
В тебе золотом вдруг запылала луна.

Все темнее, темнее закатные дали,
Все синее и глубже ночной небосвод,
Серебристей туман. Мы с тобою устали,
Так давай же молчать без тоски и забот.

От горящей луны протянулись нити
И дрожат жемчугами в холодной листве.
Так же ль светит она и на остров Таити,
Где изгнанник томится тоской обо мне?

Но к чему вспоминать. Разве я виновата,
Что понять и любить я его не могла...
От жасмина несется волна аромата.
Кто мне может сказать: «Ты его предала»?

— Ты со мной? Обними меня крепче, нежнее,
Я люблю тебя!.. Слышишь? Запел соловей.
Ярче блики луны, лес как будто светлее,
Я забыла о нем. Ну, целуй горячей!

Ты не любишь меня, ты не любишь меня,
О Другой ты мечтаешь и гредишь любя,
И Другая — Принцесса и сказка твоя.

Ты не любишь меня, ты не любишь меня,
О Другой ты рыдаешь в певучих стихах,
И Другую ты видишь в пленительных снах.

Ты не любишь меня, ты не любишь меня,
И напрасна любовь и напрасна тоска,
А тоски моей боль так горька, глубока,
Ты не любишь меня, ты не любишь меня.

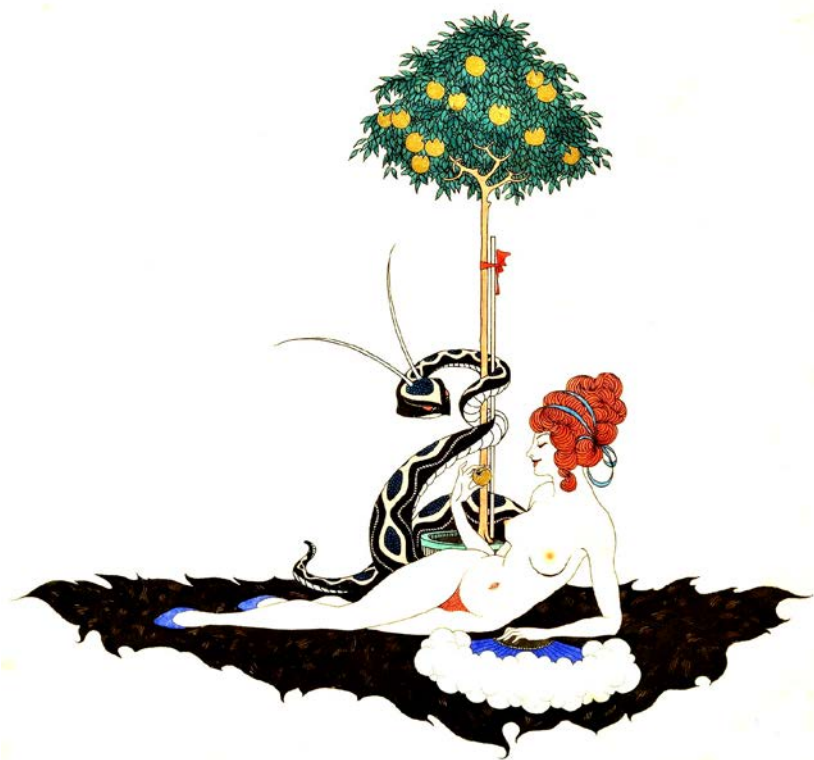
Весенние сумерки с тихою лаской
Мне шепчут о счастье возможном.
Но сердце обмануто радостной сказкой
И стало теперь осторожным.

Я верить цветам и весне разучилась:
— Они столько раз уже лгали!
Душой я разбита. Душа истомилась.
От грезы ей легче едва ли...

НА ОТКРЫТКЕ

У тебя бирюзовое небо и сапфирное синее море,
У тебя — белоснежных акаций ароматные кисти,
Над тобой чинар и платанов изумрудные,
пышные листья,
У тебя нет тоски и печали, нет тревоги, страдания и горя.

У тебя вечерами пылает ярко-алым томленьем закат,
Золотисто-багровые тучи улетают в весеннюю даль,
И несешься ты с ними душою, обо мне же ты
вспомнишь едва ль,
Ну, а вспомнишь — с улыбкой небрежной, как сестру
нелюбимую брат.

ПОПУГАЙ ФЛОБЕР

(версия А. Н. Вертинского)

Я помню этот день. Вы плакали, малютка.
Из Ваших серых подведенных глаз
В бокал вина скатился вдруг алмаз.
И много, много раз я вспоминал
Давным-давно, давным-давно
Ушедшую минутку.

На креслах в комнате белеют Ваши блузки.
Вот Вы ушли, и день так пуст и сер.
Грустит в углу Ваш попугай Флобер.
Он говорит: «Jamais», он все твердит:
«Jamais», «Jamais», «Jamais», «Jamais»,
И плачет по-французски.

**СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗА
ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ**

НА КАНАТЕ

В страсти, ослепнув, можно разбиться.
Страшно с каната упасть.
Знаю: не может он покориться,
Я потеряла власть.

В сердце усталом канатной плясуньи
Уголь отравный тлеет.
Но неправда — я не колдунья
И ворожить не умею.

Если б умела — всего бы связала
Цепью пушистых волос.
Но никогда бы ему не сказала,
Кто его сердце унес!

ИЗ ПОЭМЫ «СЫН ЧЕЛОВЕЧИЙ»

Аллилуйя! Аллилуйя! Аллилуйя!
Тебе Господи!
Видишь, землю целуя,
Молим сойди!
Не бойся, не будут попы ржавыми ржать голосами:
— Помоги!
Пышно тебе мы отслужим сами
Литургию всех литургий.
Свежей кровью помолимся Господу
О светлом пламени ада,
Доступа
В рай не надо!
Осанна! Осанна! Ликуйте тени!
Ликуйте люди,
Пламенем славы пылая ало близится день!
Снова на кованом блюде
Липкой горячей кровью сочится голова Предтечи;
Реки оделись крови багровым
Покровом.
Все ли готово
Для встречи?
Проклятые!
Сестры и братья!
В рай не пускают
Всякую сволочь!
Кто же нам может помочь?
Эй, Тверская! Слушай, Тверская!
Вы девочки с бульваров,
Поэты, кокаинисты,
Сифилитики, сводни
И все кого город распял на позорном кресте тротуара!
Сегодня
Полдень Господень

Пречистый
Сияет с небес!
Будьте готовы к великой встрече,
Сын Человечий,
Христос Воскрес!

ОТКРЫТКИ

Несказанное

Я пишу эти строки для вас, хотя не уверена, что вы их прочтете. Вспомните нашу встречу! Я так этого хочу. Я думаю, что вы забыли мое лицо. Это было давно. Я была для вас одной из бесчисленных встречных. Вы были для меня единственным. Но вы этого не знали. Я вспомнила вас сегодня, так остро, так ярко... Теперь весна, как и тогда. Такой же синий, ласковый вечер. Помните, мы встретились случайно. Вам было скучно. Я была бледна и это мне шло. Мы пошли в театр. Никогда «Травиата» не волновала меня так, как в тот вечер. Я любовалась вашим усталым, чуть-чуть надменным, но таким прекрасным лицом... В ваших глазах была странная, холодная власть.

После театра мы поехали ужинать. Плакали скрипки. Я старалась быть веселой. В бокалах дрожало и искрилось жидкое золото шампанского. Вы подарили мне розу, темно-алую, грустную розу.

На прощание вы поцеловали мою руку долгим и нежным поцелуем. Видели вы, как я вспыхнула, как дрогнули мои губы? Я хотела сказать вам все, но промолчала.

И мне жаль теперь: зачем я ничего не сказала. Мы всегда боимся говорить и пропускаем минуту. Если бы мы чаще думали об этом, на земле было бы меньше горя.

Ночью я, кажется, плакала. Не помню. Но до сих пор мне мучительно жаль несказанных слов...

Взгляды

Этот взгляд, синий и ласковый, как весеннее небо, молил о любви. В нем была тихая, бесконечная нежность, он обещал вечную покорность, он говорил: «Я раб твой и готов

умереть по одному твоему знаку». Но длинные ресницы ее не дрогнули, и синие глаза наполнились слезами.

Другой взгляд, темный и глубокий, как бездонное озеро, не молил, но жег, грозил и требовал. Он говорил: «Ты должна быть моею, и я покорю весь мир и брошу его к твоим ногам. Я поставлю тебя выше всех женщин и усыплю твой путь розами, жемчугом и золотом. Ты должна быть моей».

Но она молчала, и прекрасное лицо ее было бесстрастно. И тоска встала в темных глазах, и огонь их погас.

Но третий взгляд упал на женщину, и глаза были серо-зеленые, как морская волна. То блестели они, как сталь, то зеленели, как море в бурю. Их взгляд не просил и не требовал. Он говорил: «Если ты пойдешь за мной, то, может быть, будешь несчастна. Ты мне нравишься, но не требуй от меня верности. Я могу завтра же покинуть тебя и не зову тебя за собой, а только спрашиваю: “Пойдешь?”».

О, как хорошо видела она все, что было в этом взгляде: и легкое презренье, и страсть, и странная, жестокая нежность. Она вздрогнула и хотела отвернуться. Но глаза ее зажглись ему навстречу и сказали: «Иду».

Нарциссы

Ослепительное апрельское солнце заливает улицу и пьянит нарядную толпу. Все кажутся счастливыми в этот чудный день. Даже гудки автомобилей звучат, точно победные фанфары.

Маленькая женщина в сером костюме покупает белые нарциссы у грязного мальчугана-цветочника. Нежные звезды пахнут слабо и ласково. Маленькая женщина в сером костюме прижимает к белым лепесткам горячие губы, словно хочет шепнуть им что-то заветное, тайное. Кто она, эта маленькая женщина? Она похожа на заблудившуюся принцессу. Может быть, она убежала ночью из замка своего отца-короля, чтобы отыскать в многолюдной земле любимого и неверного друга? Может быть, под серым костюмом скрыто пла-

тье цвета небосклона и утренней зари? Может быть...

Вот проходит высокий господин и вежливо приподнимает пред маленькой женщиной свою синюю шляпу. Как он бледен, нет, он не бледен, его лицо покрыто пудрой, а под глазами темные круги. Что это полетело к его ногам, словно рой белых бабочек? Это упали нарциссы из тонких, сразу ослабевших рук. Но он ничего не заметил, и кончик лаковой ботинки раздавил белые звезды на сочных, зеленых стеблях. Он уже прошел, его скрыла толпа. Маленькая женщина перчаткой смахивает слезинку. Принцесса, вернитесь в свой замок... Он даже не обернулся.

МАСКА СТРАСТИ

«На вас была страстная маска,
Не поняли нежности взгляда».

Влад. Королевич

«Мне 22 года, я красива и умею любить. Буду ждать Вас завтра в 4 часа, кафе Гарри. Подойду к Вам сама. Приходите!

Н. Д.»

Эти женщины! Он стал рвать записки, не читая. Сегодня их было семь штук. Ему было стыдно за них, иногда он получал разноцветные листки, от которых пахло то духами Coty, d'Orsay, то персидской сиренью, когда, уходя из театра, ему приходилось встречать жадные, бесстыдные взгляды ждавших его у маленькой двери, ведущей за кулисы. И всегда на всех лицах, под роскошными шляпами шикарных дам и под пестрыми головными уборами девиц неопределенных занятий одно и то же выражение похотливого и наглого любопытства. И от этих взглядов ему часто бывало физически больно, словно от ударов гибкого, упругого хлыста...

Разноцветные клочки бумаги покрывали весь пол уборной — он насмешливо улыбнулся. Резко продребезжал звонок. Начинаясь оперетка. Потом балетное отделение, а после балета его номер — пора гримироваться.

Большое зеркало было покрыто слоем пыли и пудры. Он смахнул полотенцем серый налет и, при ярком свете двух лампочек, по обеим сторонам зеркала, на него глянуло худое острое лицо, с быстрыми черными глазами и потемневшей от вечного грима кожей. Тонкие, бледные губы изгибались в иронической и грустной усмешке.

Привычным движением он доставал из шкатулки карандаши и краски, растирал румяна и алый, тающий кармин. В дверь постучали, сначала неуверенно, потом громче. Он

обернулся, сразу помолодевший, розовый, с блестящими глазами.

— Кто там?

— Я. Маруся. Можно?

— Да, да, входите. Здравствуйте, Марусенька, садитесь.

Что нового?

— Ничего хорошего, *monsieur Jacques*.

Она была уже готова к выходу, в блестящем мишурой костюме танцовщицы, поверх которого накинула темное пальто. Белокурые волосы были пышно взбиты, и от этого еще бесцветней выглядело зеленовато-бледное лицо с лиловой каймой вокруг усталых глаз. Тонкий полудетский профиль и худенькие, сильно декольтированные плечи говорили об ее молодости, но странно-блестящий взгляд поражал своим тоскливым выражением. Она опустилась на стул и взяла папкссску, не отрывая глаз от его накрашенного лица.

— Вы что же без грима, Маруся?

— Успею еще.

— Народу много?

— Порядочно. Больше, чем на первом сеансе.

— Что с вами, отчего вы такая бледная?

Он заглянул в ее расширенные зрачки и, не дожидаясь ответа, покачал головой.

— Опять вы... гадость какая. Вы же мне обещали.

Она виновато улыбнулась.

— Я совсем немного, честное слово.

— Я вас просил.

Послышались аплодисменты — оперетка кончилась. Танцовщица вскочила и исчезла за дверью.

Он с сожалением смотрел ей вслед. Потом встал и начал переодеваться. Женщины кулис. Все они такие. Вот Маргарита — он представил себе ее спокойное, прекрасное лицо, почти без косметики, серые, ясные глаза, гладкий бандо темных волос, уложенных в изящную прическу. Вспомнил их первую встречу, ее черный парижский туалет, поразивший его своим строгим изяществом, улыбку свежего рта, белые зубы, сверкнувшие между красными губами. Эта улыбка сразу взяла его сердце, печальное, никогда не любившее серд-

це комедианта, и зажгла в нем светлый пламень настоящей, большой любви. Как он волновался, когда шел к ней в первый раз, охваченный трепетным предчувствием...

Она ждала его одна в розовой шелковой гостиной. Они пили чай и пахучий огненный ликер, от которого сладко и буйно закружилась голова. Он целовал ее белые руки, тяжелые от сверкающих колец, и ему казалось, что он видит безумный и ослепительный сон.

И вот уже два месяца почти длился этот сон, а он был так же беспредельно счастлив, как в тот вечер, когда в первый раз шел после спектакля к ней — ему казалось тогда, что зеленеющие деревья и глубокое апрельское небо сплетаются в ликующем хороводе... «Маргарита!»

Он громко повторил «Маргарита» и, бросив последний взгляд в зеркало, вышел из уборной, юношески стройный, в белом теннисном костюме, с синим эгретом на гладко причесанных волосах. Навстречу ему уже мчался помощник режиссера.

— Monsieur Jacques, выход.

— Иду.

Его встретили громом аплодисментов. Он улыбался и кланялся с особенной, ему одному свойственной легкостью, за которую его любила публика.

Изящные, наивно-томные песенки его всегда имели шумный успех. Он умело владел своим небольшим голосом и обладал тем наглым шиком уличного мальчишки, который дает только Париж. На фоне обычной «миниатюрной» программы с ее трафаретом и пошлостью, он был ярким, оригинальным пятном. Публика это чувствовала. Его веселый задор опьянял ее, как шампанское.

Он торопливо переодевался после своего номера, как вдруг от его светлого жилета отскочила пуговица. Раздосадованный, он крикнул в дверь:

«Позовите m-lle Тамарину».

— Маруся, детка, пришлите мне пуговицу, только поскорее.

— Сию минуту.

Она стояла так близко к нему, что ее пушистые волосы коснулись его лица. Он ласково провел по ним рукой.

— Милуша, пожалуйста, поскорее.

— Вас ждут? — голос ее дрогнул.

— Да, ждут. Готово?

— Сейчас, — она откусила нитку. — Готово.

— Ну, спасибо.

Напевая, он взял портсигар, шляпу.

— До свиданья, девочка.

Она осталась одна. Нежно, точно лаская, собрала в шкапушку разбросанные карандаши, грим... повесила костюм, полотенце... оглядела разбросанные по полу клочки писем, вздохнула. Опустилась на кресло и, крадучись, точно боясь, что ее увидят, достала из-за корсажа маленькую баночку. Сняла крышку. С помутившимся взглядом на белом лице, вдыхала белый порошок с резким, сладким запахом. Потом встала и, шатаясь, пошла к двери.

Он вышел на улицу и, как всегда, наткнулся на ждавших его женщин. Они окружили его плотным кольцом. Полная, нарядная блондинка протянула ему букет ландышей. Он жестом поблагодарил ее и подозвал извозчика.

«Никитский бульвар».

Веселая горничная, отворившая ему дверь, казалась смущенной.

— В чем дело, Саша? Дома барыня?

— Нету их, с барином уехали.

— С барином?

— Да, с Наум Соломонычем. Они нынче приехали, целый день у нас пробыли, а вечером с барыней в театр уехали. Барыня велела вам передать, чтобы вы завтра не звонили, они сами позвонят.

— Хорошо, Саша, до свиданья.

Барин Наум Соломонович. Она жила одна, и он никогда не слышал от нее этого имени. Ему казалось, что он падает куда-то в черную мглу. Голова горела, в висках стучало. На бульваре какая-то женщина в красной шляпке остановила его.

— Кавалер, подари цветочек.

Он поднял голову. У нее был голодный и жадный взгляд измученного животного. Он протянул ей ландыши.

— Возьми.

Она схватила цветы...

— Пойдешь со мной?

— Нет, — он отвернулся и пошел дальше. Женщина крикнула что-то ему вслед. Он не слышал.

Серые сумерки вливались в широкое окно, проползая между складками драпри, и свертывались в углах мягкими, пушистыми клубками. Усталый полусон сковывал тело... не было сил подняться с дивана, повернуть выключатель. Холодные, цепкие пальцы тоски схватили за сердце и, больно сжимал его, не давали дышать.

Целый день он не выходил из номера, ожидая звонка. Но она не звонила.

— Барин...

Стучал коридорный слуга. Нехотя, Жак подошел к двери.

— Что тебе?

— Вас спрашивают там. Дама.

— Дама? Какая дама?

— Не могу знать. Только видать, что барыня, настоящая.

— Проси, проси. — Он повернул кнопку и ждал у двери. Маргарита? Не может быть.

Но она уже шла по коридору, он видел ее высокую фигуру и черное пари на шляпе.

— Маргарита, ты пришла! — он целовал затянутые белой лайкой руки, с восторгом вдыхая милый, знакомый запах ее духов. — Я ждал звонка, целый день ждал и так измучился. Маргарита, милая...

— Я не могла позвонить. Но надо же было прийти проститься. — Она сняли шляпу и поправляла волосы. — Я завтра еду.

— Куда? — У него захватило дыхание.

— В Кисловодск. Разве я не говорила тебе, что поеду, как только вернется Наум Соломонович? Он вчера приехал.

Она обернулась и встретила его взгляд, в котором был

такой ужас, такая боль, что ее великолепная уверенность поколебалась... Она подошла ближе и положила руки на его плечи. Он вздрогнул. Она говорила нежно, как с ребенком.

— Ну, полно же, милый, не надо. Что же делать, я не могу остаться. Мне самой нелегко. Мы были так счастливы — но ведь всему на свете приходит конец... расстанемся же друзьями.

Он высвободился из ее объятий.

— Маргарита, кто этот Наум Соломонович? Я никогда не слыхал от тебя ни слова о нем. Кто он?

— Он? Зильберштейн. Мой... муж, если хочешь. Я живу с ним восемь лет.

— Ты его любишь?

— Что за вопрос! нет, конечно, но... да что с тобой?

Он не отвечал несколько секунд, потом подошел к ней и обнял, опустившись на колени у ее кресла.

— Скажи мне — только правду, ты любила меня?

Она ответила спокойно:

— Ну, конечно. Ты же знаешь.

— А теперь — любишь? Немножко?

Она нагнула свою красивую голову и хотела поцеловать его, но он продолжал, отстраняясь:

— Если ты любишь меня — брось этого Наума Соломоновича. Я зарабатываю до 3000 в месяц. Ты должна выйти за меня замуж и...

Ее смех прервал его. Она смеялась, откинувшись на спинку кресла.

— Я — жена Жака из миниатюр? Милый друг, я проживаю больше ста тысяч в год... благодарю за честь, я очень тронута.

Смех оборвался, она стала серьезной.

— Ты дал мне минуты яркой радости, я их не забуду никогда, но пойми — у всякого своя дорога. Мы должны расстаться.

— Скажи же мне, — в голосе послышалось рыдание, — почему ты могла быть любовницей Жака, а не можешь быть его женой? Неужели я был для тебя только *monsieur Жа-*

ком из миниатюр, и никогда ты не видала во мне просто любимого, близкого человека? Никогда?

Она пожала плечами.

— Я любила в тебе то, что мне нравилось. Не делай мне сцен, я этого не люблю. Перестань, пожалуйста. Трагедии совсем не твой жанр.

Она надевала шляпку. Голос звучал холодно и четко.

— Жизнь не роман. Надо уметь расстаться легко и красиво.

— Маргарита, но я люблю тебя! — он не узнавал ее. Чужая. Чужое лицо, чужие холодные глаза. — Я люблю тебя, я не могу жить без тебя.

— Перестань, ты не мальчик... мне пора. Поцелуй меня на прощанье.

Он закрыл лицо руками.

— Не хочешь? ну, не надо. Прощай.

Он слышал шелест ее платья в коридоре.

— Маргарита! — Не обернулась. Ушла.

Злоба и горечь душили его. Значит, и она — она тоже такая, как все эти наглые бабы, она никогда не любила его, он задел ее чувственное любопытство — вот и все.

А он отдавал ей душу, свою человеческую душу, когда ей нужны были только забавные ужимки «Жака из миниатюр».

— Маргарита!

В дверь постучали; он не ответил. На пороге показалась Маруся.

— Monsieur Жак, что с вами?

— Маруся, хорошо, что вы пришли, я не могу больше, — рыдал он.

— Полно, не надо. — Она обняла его, ласкала, целовала гладкие волосы. — Голубчик, перестаньте. Я так люблю вас...

Он поднял голову.

— Вы меня любите? Меня? Это неправда, вы любите Жака из миниатюр, а я...

— Милый, родной мой... любимый...

Ее тонкое тело бессильно сгибалось под его руками.

Он видел ее безвольный и страстный рот, нежную шею, полные слез глаза, устремленные на него. Это — спасение?

Томительное желание забыться овладело им... ее губы так близко от его воспаленных губ... Но пред его глазами встало другое лицо, красивое и холодное, как мрамор. Острая боль пронзила все его существо. Он отошел к окну и закурил папиросу. Она взглянула на часы.

— Мне пора в театр. Вы скоро придете?

— Да, да, скоро.

Теперь самый звук ее голоса раздражал его. Он облегченно вздохнул, когда она вышла из комнаты. Тишина успокаивала его. «Все равно». «Все равно», — тикали часы. В голове было до боли пусто и легко. Он смотрел на лиловые цветы на обоях и машинально считал лепестки. Все равно.

— Барин...

— Ну?

— Из театра звонят, чтобы, мол, ехали. Ждут.

Театр? Сейчас? На миг эта мысль наполнила его ужасом и тоскою. Но тотчас же всплыло странное, легкое равнодушие.

— Скажи, что сейчас еду.

В тесной уборной маленьких актрис «Миниатюра» воздух пропитан жирным запахом косметики, плохо мытого тела, пыли и красок... в лживом и мертвом свете электричества ярко переливается убогая роскошь мишурных платьев, бриллиантов от Тета, пышных париков над раскрашенными лицами.

Маруся тихо улыбалась своему отражению в зеркале, не слушая циничную и грустную болтовню товарок, когда за кулисами послышался необычный шум. Кто-то кричал. В уборную вбежала комическая старуха.

— Слышали, девушки? Жак попал под автомобиль.

Полураздетая Маруся выбежала за кулисы. Перед уборной Жака толпились служащие, артисты, кое-кто из публики. Она бросилась туда. Он лежал на узкой кушетке. Над ним, на стене, с кричащего плаката улыбалось его собственное лицо. Но у лежавшего вместо лица была сплошная рана. Тяжелые капли крови медленно падали на пол. Около него стоял какой-то военный доктор.

— Он жив? — она схватила доктора за рукав. Тот молча взглянул на нее и отвернулся.

Она поняла. Не закричала, не заплакала. Только чувствовала, что сразу ослабели колени... тихо опустилась на пол и прижалась губами к свесившейся с кушетки узкой руке.

ОБЫКНОВЕННАЯ ДАМА

Она была дама — обыкновенная молодая дама из «приличного» общества. Она любила его книги. Ее муж находил, что она слишком много читает.

Она написала ему письмо. Он ответил. Они переписывались, и когда до ее слуха долетало название города, где он жил, она улыбалась, мечтательно и нежно.

Однажды он написал ей: «Через неделю я еду в Ваш город. Как прекрасна будет наша встреча в эти ликующие осенние дни. Может быть, заглянув в Ваши глаза, я найду то, чего я искал всю жизнь».

Она поцеловала письмо, которое, казалось, хранило следы его пальцев. Через неделю, как-то утром ее позвали к телефону. Она услышала незнакомый голос, и сердце ее дрогнуло. «Я говорю с вокзала. Можно мне приехать, сейчас?»

— Да, да. Я жду.

Она ходила по комнатам и улыбалась солнечным лучам, ткавшим вокруг нее золотую сетку. Но он не пришел.

Вечером, за чаем, муж читал ей вслух вечернюю газету.

«Ужасный случай: автомобилем № 326 убит на Пушкинской улице известный писатель К...»

На другое утро ее нашли мертвой в постели.

КАК ПРИХОДИТ ЛЮБОВЬ

Знаете вы, как она приходит? — О, иногда она приходит, как королева, и земля дрожит под копытами белых коней, что везут ее колесницу. Властно коснется она вашего сердца сверкающим, золотым жезлом, и вот вы уже не принадлежите себе, вы уже пленница, вы прикованы к высокой колеснице тонкой, но неразрывной цепью...

А иногда она подкрадывается, как хищный и страшный зверь, неслышно и мягко ступая, жадно нацелится и прыснет из тьмы, и вот уже вы в ее железных когтях и она рвет

и терзает ваше тело и душу, пока не доберется до сердца и не напьется, ненасытная, его жаркой кровью.

А то придет, как нищая, и будет долго плакать у порога, пока вы не впустите ее, жалкую и смиренную. Но едва вы впустили ее, вам уже нет спасения, она иссушит сердце ваше медленным огнем, она отравит ваш сон смертельным и сладким ядом, она украдет ваш покой и опутает вас тоской, красным туманом страсти и безволия.

Берегитесь любви, о сестры мои!

В улыбке светлых глаз, в аромате осенних роз, в сиянии умирающего заката, в долетевших до вас звуках печальной мелодии — всюду разлит невидимый и ужасный яд — берегитесь любви, о сестры мои.

ТЫ НЕ ПРИДЕШЬ

А может быть, давно и кем-нибудь разбита,
И эта жизнь моя — предсмертный бред и ложь,
Ах, небо предо мной созвездьями раскрыто,
Я поняла — ты не придешь*.

I

«Ты не придешь». Она громко повторила последнюю строчку и закрыла книгу. «Ты не придешь...» Встала с кресла, прошла по комнате, взглянула на часы. Без четверти десять... «Только». Ей стало холодно, она взяла с кровати большой серый платок и, закутавшись в него, зябким комочком сжалась в углу дивана. Где-то было больно... она не знала. Чувствовала только бесконечную тяжелую слабость во всем теле и тупую ноющую боль. Где? — где-то глубоко, внутри.

Как тихо. Громко тикают часы. Хозяев нет дома, прислуга в кухне... Отчего так больно? Она вздрогнула. Какие у него были холодные глаза! А она плакала. Глупая, глупая... разве ему не все равно? Она закрыла глаза.

Яркий, апрельский закат. Где-то дрогнула зарница трамвая, немного холодно. Слезы стыли на ее щеках.. Что она говорила? — Говорила, что любит его, что для него только живет в Москве, что любит его с первой встречи, что готова целовать землю, по которой он ходит...

Он ответил: «Милая девочка, я так устал от любви. Мне ничего не надо. Забудьте меня, я стар для вас, я отдал все, что у меня было, у меня больше ничего нет...»

Какие спокойные глаза! Какое красивое, чуть надменное лицо, какая сила в четких линиях профиля...

Зачем она плакала?

* Стихотворение Брюсова (*Прим. авт.*).

Глупая, глупая...

Он проводил ее домой, просил успокоиться, он был ласков, внимателен... но как холодны были его губы на маленькой дрожащей руке.

Значит, конец?

Она открыла глаза. Вспомнилась первая встреча, такая радостная, сулившая столько прекрасного. Это было в театре. Она нечаянно встретилась с его глазами и уже не могла оторвать своего взгляда от его мощной фигуры. Долго после помнила крупный силуэт и когда, через неделю, увидела его у знакомых, зашаталась и чуть не упала. Налетел огненный вихрь, смял все вокруг и закружил... может быть, над бездной? — Все равно!

И каждая встреча давала яркое опьянение. Она уже не могла ехать домой, в Харьков, а написала отцу, что поступила на зубоврачебные курсы. Как морфинист ждет блаженного укола шприца, ждала она встречи и, возвращаясь домой, плакала и смеялась в пьяном, счастливом безумии.

Теперь конец.

Она знала, куда он поехал. Она знала, где его ждали нетерпеливо и жадно, чьи руки обовьются вокруг его шеи. Ей хотелось вскочить, громко и дико кричать, как раненое животное. И когда в мертвой тишине квартиры раздался телефонный звонок, она радостно бросилась в переднюю.

— Слушаю.

— Ольга Павловна?

— Да.

— Что вы делаете? Вы свободны?

— Да. В чем дело?

— Милая Ольга Павловна, одевайтесь, я через четверть часа за вами заеду.

— Да зачем, я не понимаю...

— Вы говорили, что хотите побывать в новом кабаре, так едемте. Там начало в одиннадцать!

— Хорошо. Приезжайте.

Повысила трубку, быстро прошла к себе, открыла шкаф, одно другим вынимала скромные платья. Хотелось быть ин-

тересной, нравиться. Нашла новую зеленую шелковую блузку, изящным узлом закрутила пышные темные волосы, напудрилась. И, когда в передней зазвенели шпоры, вышла улыбающаяся, с блестящими глазами.

— Я готова.

Первое, что бросилось в глаза Ольге, когда она входила со своим спутником в накуренный зал модного подвала-кабаре, были неестественно-золотые волосы полной, шикарной дамы, сидевшей за столиком против входа, а рядом с нею Ольга увидала смуглый профиль Новицкого.

Она сначала побледнела, потом бледные щеки ее вспыхнули. В мучительной неожиданности этой встречи была пьянящая боль. Небрежно кивнув головой в ответ на его поклон, Ольга кокетливо заговорила со своим кавалером и тот, ободренный непривычной снисходительностью всегда сдержанной девушки, начал усиленно ухаживать за ней.

Им подали коньяк в кофейных чашках. Ольга храбро глотала жгучую, терпкую жидкость, громко смеялась в ответ на неуклюжие комплименты офицера и с радостью чувствовала, как исчезает мучившая ее с начала вечера тупая боль, уступая место легкому приятному головокружению. Подошли какие-то молодые люди, офицер представил их Ольге, и один из них, полный, рыхлый блондин, не сводил с нее глаз. Они сидели уже вчетвером, и блондин целовал руку девушки мелкими, частыми поцелуями, а она не обращала на него внимания, напряженно следя за Новицким и его дамой. Программа кончилась, публика стала расходиться, и блондин предложил ехать в Стрельну. Ольга колебалась, не зная, соглашаться ли ей, когда увидала, что Новицкий со своей дамой направился к выходу. Тоска охватила ее и, вся отдаваясь одному желанию, — хоть как-нибудь да забыться, она протянула руку:

— Везите, куда хотите! Где наша не пропадала.

II

Александр Сергеевич Новицкий с радостью возвращался из скучного Саратова в милую московскую обстановку. Был конец августа, и понемногу съезжался привычный круг знакомых, разлетавшихся на лето по кавказским и крымским курортам. Стояли роскошные, жаркие дни, но после саратовской пыли Москва показалась Новицкому прекраснейшим городом в мире, Покачиваясь на хороших рессорах «своего» извозчика, Александр Сергеевич машинально, по привычке, улыбался заглядывавшимся на его крупную фигуру встречным женщинам, и мысли бежали ленивые и приятные. Приятно было чувствовать себя известным адвокатом, интересным мужчиной, баловнем женщин. Приятно было ощущать свое красивое, холеное, здоровое тело, приятно было предвкушать любимую тишину и комфорт своей изящной квартиры.

Извозчик остановился у одного из огромных домов в тихом уютном переулке на Чистых прудах. Сытый швейцар радостно и услужливо тащил щегольской чемодан. На властный хозяйский звонок выбежала нарядная горничная. Александр Сергеевич, не торопясь, взял холодную ванну, переоделся и отправился в кабинет просматривать почту.

— Настя, звонил мне кто-нибудь?

— Звонили, барин, много звонили. Я вот тут записала, кто говорил номера. А вот этот номер очень часто звонили и все спрашивали, когда вы приедете. Дамский голос.

Новицкий просмотрел записку Насти. Несколько деловых номеров, два-три номера хороших приятельниц, а вот и этот номер, про который говорила Настя — 1-33-35.

Нет, этого номера он положительно не знает. Заинтересованный, он достал «Ключ к телефонной сети Москвы» и нашел 1-33-35.

Лечебница для душевнобольных д-ра Петровского. Что такое?

Мистификация? Какая-нибудь ошибка? Он досадливо повел плечами. Надо выяснить, в чем здесь дело.

Подошел к столу, взял трубку.

— 1-33-35. Да. Мерси. Откуда говорят?

— Лечебница д-ра Петровского.

— Это говорит Александр Сергеевич Новицкий. Меня вызывали от вас по телефону. Будьте любезны узнать, за-чем?

— Сию минуту спрошу у доктора.

Он ждал у телефона. Послышались твердые шаги.

— Господин Новицкий?

— Да.

— Вам звонила одна из наших больных, m-me Широкова.

— Широкова? я такой не знаю.

— Не знаете? Ах да, она говорила, что вы знали ее под ее девичьей фамилией — Лещинская.

— Как зовут ее? Ольгой?

— Да.

— Совершенно верно. Я ее знал. А давно она у вас?

— 4 месяца.

— Она очень больна? В каком она состоянии?

— Буйная... но у нее бывают спокойные периоды, как сейчас. Она очень хотела вас видеть.

— Я зайду. Будьте добры сказать, когда можно.

— Вот завтра, часов в 5.

— Благодарю вас. Всего хорошего.

Ольга Лещинская. Ольга Павловна... он встретился с ней последний раз в Кисловодском курзале, года два тому назад. Он сразу не узнал ее, потому что помнил милой тоненькой девочкой, какою была она, когда так наивно и красиво объяснилась ему в любви. А здесь она была шикарно и ярко одета, сильно накрашена и окружена странной, полупьяной компанией. Он вспомнил, как она нетвердой походкой шла ему навстречу по белой веранде курзала, и какая жалкая и наглая усмешка появилась на ее слишком алых губах, когда она заметила изумление, которое он не успел скрыть.

Он и обменялись несколькими словами и больше не видались. Иногда, случайно вспоминая ее, он брезгливо морщился и думал:

— Еще одна...

На другой день в четыре часа Александр Сергеевич отправился в Сокольники, где находилась лечебница д-ра Петровского.

Небольшой каменный дом прятался в густом саду, обнесенном высокой решеткой. У калитки его встретил здоровенный сторож и молча пропустил в сад. Неширокая дорожка вела к крыльцу. Из боковой аллеи выбежал высокий человек без шляпы, с длинными, спутанными волосами. Увидав Новицкого, он бросился к нему и сунул ему в руку какую-то бумажку:

— Передайте, пожалуйста, моему брату.

И убежал.

Новицкий шел дальше. У самого крыльца его остановила старая дама в розовом шелковом платье со шлейфом, сильно поношенном и местами разорванном в клочья. С кокетливой улыбкой на сморщенном лице, она взяла его под руку.

— Вы за мной? я это знала.

Он испуганно отшатнулся. Но с крыльца уже сходил плотный, пожилой господин в золотых очках, и дама в розовом исчезла.

— Что вам угодно?

— Я желал бы видеть госпожу Широкову,

— Господин Новицкий? Она вас ждет. Петровский. Очень приятно. Семен, проводи в 23 номер.

У белой двери с большой черной цифрой 23 служитель остановился,

— Вот здесь.

Новицкий постучал. Нянька в белом чепце отворила дверь. С плетеного кресла, стоявшего у окна, поднялась молодая дама в изящном летнем платье.

— Ты? я так рада. Почему ты меня не целуешь?

Говорила она спокойно, только взгляд блестящих глаз был странно настойчив. Всматриваясь в немного бледное лицо, он ответил:

— Я вас никогда не целовал, Ольга Павловна.

— Разве?

— Да, правда, это неудобно.

— Я замужем, ты знаешь? Садись, пожалуйста. Я очень изменилась? Мы давно не видались.

— Очень давно. Вы изменились, но очень немного...

Разговор тянулся медленно и неловко. Новицкий, невольно взволнованный пристальным взглядом, порывался уйти и в душе проклинал себя за то, что приехал. Нянька равнодушно вязала на спицах толстый чулок.

Ольга расспрашивала Новицкого об его делах и романах, и оказалось, что она знает почти все, что происходило с ним за эти четыре года. На удивленный взгляд его ответила, улыбаясь:

— Я следила за тобой все время.

Потом встала и, взяв его за руку, подвела к кровати. На стене висела большая фотографическая карточка какого-то бородатого господина.

— Видишь? Это твой портрет. Я с ним не расстанюсь.

Новицкий вздрогнул, подавив восклицание. Он смотрел на ее улыбающееся лицо, а она говорила нежно, заглядывая ему в глаза:

— Он очень похож, правда?

Ему стало холодно. Он взглянул на свои часы-браслет.

— Мне пора, Ольга Павловна.

Не успел он договорить, как она закричала, пронзительно и дико:

— Как смеешь ты уходить, когда только что пришел!

Лицо ее перекосилось, она задыхалась. Нянька бросилась к ней со стаканом воды, но Ольга злобно вышибла у нее из рук стакан и, подбежав к окну, ударом кулака разбила стекло. На руке показалась кровь, она отталкивала перепуганную няньку и все время кричала, как злобный звереныш.

Ошеломленный Новицкий не знал, что делать, пока ему не пришлось в голову крикнуть на нее:

— Замолчи, или я уйду!

Крик моментально прекратился. Ольга, как автомат, опустилась на стул и, вся дрожа, испуганно следила за ним глазами. Нянька перевязывала ей руку.

Он сурово сказал ей, переводя дух:

— Если ты будешь так вести себя, я больше никогда не приду.

Она умоляюще глядела на него:

— Ради Бога, не уходи!

— Хорошо, если доктор позволит, я останусь.

Доктор разрешил, и они прошли в сад. Уже темнело. Они сели на скамью в одной из густых аллей. За оградой то и дело гудели автомобили. Откуда-то доносилась музыка. Жалобно звенели флейты. Грохотали цимбалы. Новицкому казалось, что он видит странный сон. Раздражение усилилось, и ему было нестерпимо жаль Ольгу. А она сидела, такая покорная, и только белый бинт на ее руке напоминал о дикой сцене безумия. Она медленно, но без остановки говорила в тихом, печальном бреду:

— У меня был брат... помнишь? Он заболел... ты понимаешь? заболел и заразил жену. Она этого не знала. Я жила в Крыму, меня послали на юг из-за слабости легких, когда моя *belle-sOeur* приехала ко мне. Мы были очень дружны, целовались. Я заразилась, вышла замуж и заразила мужа...

По лицу Ольги прошла судорога. Новицкий помнил, что у нее не было братьев, но молчал. Она продолжала, волнуясь:

— Я сошла с ума от ужаса... когда узнала. И мне никогда не быть здоровой, я знаю. Никогда.

Голос ее дрогнул. Он спросил, не зная, что сказать, не зная, правда ли то, что она говорит, или бред ее больного мозга:

— А где твой муж?

Она сдвинула брови.

— Я его ненавижу.

— За что? Ты причинила ему такое зло...

Незаметно для себя, он перешел на ты. Уже совсем стемнело. Во мраке ему был виден только блеск ее зрачков. И минутами ему казалось, что рядом с ним сидит не несчастное, безумное существо, а незнакомая и пленительная женщина.

Голос служителя нарушил очарование. И, прощаясь с ней, Новицкий почувствовал, что не вернется сюда больше

никогда. Но когда Ольга тревожно спросила его, когда он придет, он ласково пожал ей руку.

— Как только смогу.

Дни бежали. Новицкий ни разу не был у Ольги, но она часто звонила ему по телефону и, разговаривая с нею, он невольно подчинялся очарованию, охватившему его в тот памятный вечер. Она говорила нежные безумные слова, мечтала, строила прекрасные планы и, прощаясь, каждый раз напоминала ему:

— Я жду.

И отвечал безвольно и страстно:

— Приду.

Внезапно звонки прекратились. Новицкий, увлеченный одной красивой встречей, ни разу не вспомнил об Ольге. Прошла неделя, другая... она не звонила.

Однажды 22-го октября, холодной и дождливой ночью, Новицкий вернулся домой после безумно проведенного вечера. На письменном столе лежал узкий лиловый конверт, пропитанный запахом *Chypre Coty*. Почерк показался ему знакомым. Он вскрыл конверт и с недоумением разглядывал выпавшую из него красную бумажку.

Ни письма, ни записки. Билет в цирк на сегодняшний вечер и на обратной стороне написано карандашом одно слово:

«Жду».

С легким сожалением Новицкий разорвал негодный уже билет и отправился в спальню.

Через несколько дней Новицкому захотелось узнать, как здоровье Ольги, и он позвонил доктору Петровскому.

— Простите, доктор, что я вас беспокою, но я хотел бы узнать, как здоровье Ольги Павловны?

— Здоровье? — доктор словно поперхнулся чем-то.

— Да.

— Видите ли... она умерла. В припадке выбросилась из окна и расшиблась насмерть.

— Когда... это случилось?

— 22-го октября, вечером.

Трубка со стуком упала. Новицкий не слышал.

БРЕД КРАСНЫХ РОЗ

Гаснет летний вечер, задыхаясь, в серых стенах пыльного города. Блекнут багряные крылья заката, бледнеет синий бархат неба. Тихо спускается ласковая, печальная ночь. Загораются прозрачные звезды.

— Сегодня утром я посмотрела на себя в зеркало и, словно в первый раз, заметила, сколько белых нитей в моих темных волосах. А сейчас я сижу у окна над черной пропастью двора и слушаю, как в соседней квартире кто-то играет сюиту Грига.

Сумерки, музыка Грига... И всюду, на письменном столе, на туалете, на этажерках и полочках, в больших и маленьких, дорогих и простых вазах, умирают красные розы.

Запах умирающих роз, любовь стареющего сердца — сколько больного, мучительно-пьянящего очарования таится в них! Какая скорбная, страшная красота скрыта в увядании, в пышном багрянце осенней, умирающей листвы.

Много лет уже, в этот день, приходят эти красные, дурманные розы. Но никогда не ждала я их с таким нетерпением, как сегодня. Все утро я глядела на белые нити в своих волосах и повторяла себе:

«Нет — сегодня не будет роз».

Но они все-таки пришли, умирающие, иступленно-прекрасные в своей пурпурной зрелости. И невольно, вдыхая их грустный аромат, я вспоминаю давно отошедшие, покрытые серым налетом пепла, но такие ликующие, яркие дни.

Голубое небо гляделось в голубое озеро. Золотые искры дрожали в воде. Белые чайки сверкали узкими крыльями, словно блестящие клинки. Мы поднимались по широкой дорожке, между серебристыми оливами. Смуглые, оборванные дети протягивали грязные ручонки, напудренные пылью. В горячем воздухе сухо и четко трещали цикады. Белая вила пряталась в апельсиновых деревьях. Золотые плоды выглядывали из-за темной листвы, а всю веранду заливал пурпурный поток ползучих роз. Их дурманящий аромат зажег

в нашей крови странное пламя, и пылающие губы встретились под алыми чашечками смеющихся цветов.

Шли месяцы... годы. Метель бесновалась на темных улицах. Ледяной вихрь колот лицо, сбивал с ног... но в полутемной гостиной ярко пылал камин, и красный отблеск играл на бронзовых украшениях мебели. Искрилось золото рам и багетов, а в широких, плоских вазах темно-красные, дурман-ные розы струили запах, словно ароматные слезы.

Милый профиль, освещенный гаснувшими углями, блеск расширенных зрачков, нервный и знойный шепот — жгучая сказка зимнего вечера, бред пурпурных роз.

Пасмурное осеннее утро. Мелкий, холодный дождик, тягелая, ледяная рука тоски, сжимающая сердце, острая боль последнего свиданья и последние осенние розы, печальный дар отлетевшей любви.

А сегодня — в горячем летнем сумраке, одинокая, старая женщина тихо плачет над последним приветом — над дурманным пурпуром последних роз.

**СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ
НАТАЛЬЕ ПОПЛАВСКОЙ**

Б. Поплавский

*На четвертом этаже,
в каморке пекинца,
на гвозде золотые обезьянки*

КАРАВАНЫ ГАШИША

Наталии Поплавской

Караваны гашиша в апартаменты принца
Приведет через сны подрисованный паж.
Здесь, в дыму голубом, хорошо у пекинца,
У него в золотых обезьянах палаш.

За окном горевал непоседливый вечер,
И на башне в лесах говорили часы,
Проходили фантомы, улыбались предтечи,
Через дым на свету фонарей полосы.

У лохматого перса ассирийское имя,
Он готовит мне трубку, железный чубук,
Вот в Эдеме, наверно, такая теплыня,
Покрывает эмалью ангел крылышки рук.

Варит опий в углу голубом притонёр,
А под лампой смола, в переплете Бэкон,
Мне Ассис постелил из лоскутьев ковер,
Полоса фонарей через клетки окон.

Харьков, 1918

ПЕЧАЛЬ ТВОРИТ КРАСОТУ

(Наташе Поплавской —
рассветнице в песнях)

В шелестинности
Детский лепет.

Предрассветная
Трепетвинность
Ветвинок.
И в застенчивых
Развилиях
Переливное
Движение звезды —
Слезы утренней.

Ясно сердцем смотри.
Дай крепкую руку
Я хочу так поверить
Тебе искатель
Весенних стран
Открыватель
Утренних берегов.

В тихой разлунности
Когда услышишь дальний звон
Пойди ко всеобщей
На кладбище
Остановись на паперти
Посмотри кругом.

На могильных буграх
Будто светляки
Святыся лампы
В тишине повечерия.

Ясно сердцем смотри:
Слушай.

В. Королевич

ПРЕСТУПЛЕНИЕ АРЛЕКИНА

Натал. Поплавской

Томно пляшет Коломбина,
Нежен осени каприз.
Вьются ленты серпантина,
С нею — пудренный маркиз.

Как маркиза губы пряны!
Звонки струны мандолин.
У душистого фонтана
Замечтался арлекин.

Как вино глаза нескромны,
Губ краснее нет его.
Перед ним с усмешкой томной
Вдруг затихнувший Пьеро.

Боги строят злые мины,
Их нарушили закон.
Позабыв про Коломбину
Арлекин в Пьеро влюблен.

Ноябрь — 1916

В. Королевич

ЗЕЛЕНАЯ ТАТУИРОВКА

Натал. Поплавской

У него на груди татуировка,
Зеленая змея с глазами медузы.
Я глажу его кудри ласково и неловко
Он говорил — У тебя руки Дузе.

О, если б никогда не отрывать взгляда
От прикрытых серых глаз,
Если б навсегда в себя спрятать,
Как в шкатулку черный алмаз.

Но завтра он снова уйдет в море,
Бродить среди рифов и скал,
Встречать с другими другие зори.
Как мир без него станет душен и мал!

У него на груди татуировка,
А над постелью маленький висит кинжал
Что если в змею вонзить ласково и неловко,
Чтоб никогда никому не принадлежал.

Апрель — 1916

В. Шершеневич

НАТАЛИИ ПОПЛАВСКОЙ

<Принцип синтаксического аграмматизма>

Не губы и не глаза, но колонны многоточек,
Не сердце — на разорванных листках стих!
И какой же сумеет в одно переплетчик
Меж картона любви переплести их?!

Как будуару привыкня голгофе
Дней отрекаясь бегущих стайкою кроликов,
Твой смех только сбитые сливки над горьким кофе,
Под пронзительный шепот соседних столиков.

Но сгущая руками Москвы виски,
Вот веки упали саженью дров,
И жизнь сорвется, как под бурями вывески
Задавить их вешающих маляров.

Над могилою мелким петитом
Надгробные речи зазвучат на авось,
Так вспомни из гроба, что только я ритм
Этих губ не искал насквозь!

3.3.1918

СЕСТРА НАТАЛЬЯ УМЕРЛА В ШАНХАЕ

Сестра Наталья умерла в Шанхае.
Нам пишут из Китая: «Перешла порог.
На ложе роз с улыбкой отдыхает...».
Ее простит спокойный русский бог.

Вот вещи, всё, что от нее осталось:
Две фотографии, часы, блокнот,
Цепочка и дневник – такая малость.
Расписанный по дням ее последний год.

Кривые улочки, больница, душный климат,
Шанхайский вальс, шанхайский бриз,
Старик китаец, проходящий мимо,
Туристы шумные, спешащие в круиз.

Дорога к порту в четкой панораме,
И опиумный домик, где хозяин Минг.
Задумчивый китайский бог в старинном храме,
В куреньях, вдруг проснувшийся на миг.

Ее мечты, «Стихи зеленой дамы»,
Желание спастись, желание спасти,
Наброски к некой странной драме,
Спокойные слова, последнее «прости».

Всё, что прошло – лишь дым, туманность.
Всё, что осталось – зыбкие мечты в тиши.
Снимают страх, тоску, усталость,
Врачуют боль и тела и души.

Сестра Наталья не приедет из Китая.
Ее приют последний был убог.
Ее душа в тех дымных облаках витает,
Там, где живет счастливый опиумный бог.

Приложения

Н. Равич

О КНИГАХ

Не смейтесь над Игорем Северянином, не смейтесь над Вертинским или Королевицем. Разве это они выдумали «ананасы в шампанском» или «лилового негра, который подает манто». 20-й век вырвал из их души любовь, затянул их нервы как струны, сделал их фантазию затейливо-пестрой, пропитал их душу, мозг и кровь раствором из кокаина, разврат и никогда не проходящего пьяного угара. Вот стихотворение, посвященное Певцову.

Вечер. Пьянящая музыка танго.
Сыпятся красные розы.
Мчатся они на красавцах мустангах,
Оба прекрасны, как грезы.

«Тот», он весь в прошлом. В звуках пощечин
Жизнь его — дикая пляска.
И на лице его скорбно хохочет
Жутко веселая маска.

«Слушай царица! Я шут твой влюбленный
Ты же не знаешь меня».

Вот начало этого стихотворения. И сколько подобных этому стихотворению в маленькой книжке Наталии Поплавской.

И невольно думается: неужели же эта женщина никогда не узнала радость истинной любви, неужели действительно правду говорит она про себя:

Я актриса. Бедный, нежный друг!
У меня ты не проси любви...

Не тяни ко мне с мольбою рук.
Не зови.
Каждый вечер перед жадною толпой
Я бросаю пьяный сладкий яд
Отдаюсь ей. Видишь не тобой
Мой венец измят.
Каждый вечер жестяной кинжал,
Разрывает пламенную грудь.
Арлекин меня в объятьях сжал
На всегда... забудь!

И вся книжка Наталии Поплавской будто пропитана запахом ладана, будто напечатана на черных листах, с похоронной каймой. Не смейтесь над ее стихами, над ее картонными паяцами, над ее румянами, над ее кокаинными пьерро. Здесь умирает человеческая душа. Здесь умирает истинная любовь.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЕТКИ

Предо мной книжка стихов молодой поэтессы Наталии Поплавской с несколько жеманным названием — «Стихи зеленой дамы» — 1914-1916 г.

Присяжные критики любят бранить. Особенно молодых, начинающих. Впрочем, они и со старыми не особенно церемонятся. Похлопают этак покровительственно по плечу: «Ничего, батенька, продолжайте. Пушкин, конечно, лучше писал, ну да ничего, сойдет».

А уж молодым достается хуже, чем школьникам от строгого учителя.

Всякое лыко в строку ставится.

И у Наталии Поплавской строгий критик найдет немало поводов для справедливого гнева — и скудость тем, и беднота переживаний, и чисто технические погрешности. Да мало ли у молодого автора можно найти недочетов.

Но я, к счастью, не присяжный критик, и во всякой новой книжке мне хочется найти что-нибудь хорошее. А хорошее у Поплавской есть — искренность и тихая, *женская*, я бы сказала, печаль.

Когда прочитываешь ее стихи, подчас подражательные, подчас искусственно-жеманные, невольно проникаешься жалостью к «зеленой даме» нашего большого города с его искусственной, лживой и порочной жизнью.

Душа «зеленой дамы», знающей страсть и наркоз, томится по истинной любви.

*Пьяный туман сладострастья,
Пьяный туман в крови...
Не было, не было счастья
И ни намека любви.
Плачу? — Слезам вы не верьте,
Женские слезы — вода.*

*Холодны в тусклом рассвете
Смятых простынь кружева.*

Холодно чуткой женской душе на «огненном кресте».

*Мы только женщины, и, корчась в страстной муке,
Пред жаждою мужской не можем устоять,
И всем мы отдаем трепещущие руки
И губы красные, бессильные проклясть.
Нам не порвать кольца пылающих желаний,
Нам не найти пути потерянного вновь.
И распинает нас, истерзанных страданьем
На огненных крестах Владычица-Любовь.*

Сколько женщин распято на кресте Владычицей-Любовью. «Зеленая дама» знает их страдания и умеет говорить о них.

Есть, конечно, иные страдания, более серьезные. И, может быть, очень хотелось бы, чтобы исчезли из мира женщины, вся жизнь которых — любовный крест (хотя, кто знает, не исчезла ли бы вместе с ними и трогательная лирическая поэзия),

Но они есть. И пока они существуют, их страдания так же действительны, как и иные. И понять их и воспеть может только женщина.

Еще «женское» — стихотв. «Новобрачная». Прочтите его, и у вас сожмется от жалости сердце; вы увидите, как живую, хрупкую, нежную девушку, бледнеющую «от волнения и страха»:

*«Холодные ручки испуганно бродят
По тонкой цепочке креста».*

Почти все стихотворения «Зеленой дамы» проникнуты печалью и каким-то испугом — бедная, робкая женская душа, запуганная холодом жизни.

«Жизнь — груба — жестока — жадна».

На ее пути нет людей — только маски, уродливые, порочные и отталкивающие. Вот Принц-Пьеро — «заласканный, больной, развратный и святой». Вот — другой — «так красив, такой накрашенный». Вот — «печальный бог с развратно-нежным ртом и жалкий шут».

*«Душа его — усталая блудница
В ней бледный луч стыда давно погас».*

Вам они знакомы? Конечно! Ведь это герои последних лет, накупившие большого города — развращенные, отравленные кокаином и морфием марионетки с пустым умом и сердцем.

Они гипнотизировали, они брали в плен мятущуюся женскую душу — и в результате:

*«Поздно! Не надо огня сожалений.
В сердце печальном холодная осень».*

Не верю. Это результат 14-16 года. Теперь 17-й год. Накрашенные боги и напудренные герои слетели с пьедестала — в жизни весело хозяйничают живые люди из плоти и крови, с кипучей энергией.

Может быть, их энергия, как сила Бовы-королевича, пугает и даже изъясняет иногда. Не беда! Все-таки это здоровая сила и энергия, а не наркоз, не румяна и не разжижение мозга...

Поэтому я и не верю, что в сердце «Зеленой дамы» навсегда воцарилась холодная осень.

Зацветут еще новые цветы; запоеет она иные песни.

Впрочем, в стихотворении «В вагоне» поэтесса сама это предчувствует:

*«...нет, не надо помнить,
Разве снятся мертвым их земные сны?
Я судьбе вернула дней минувших нить,
Буду ждать в грядущем солнца и весны!»*

«ЗЕЛЕНАЯ ДАМА» СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

К биографии Н. Ю. Поплавской

«Вижу одну, высокую, лихорадочную, сплошь танцующую, — туфелькой, пальцами, кольцами, соболиными хвостиками, жемчугами, зубами, кокаином в зрачках. Она была страшна и очаровательна, тем десятого сорта очарованием, на которое нельзя не льститься, стыдятся льститься, на которое бесстыдно, во всеулышанье — льщусь».

Эти строки из мемуарного очерка М. Цветаевой¹ — одно из немногочисленных описаний внешности поэтессы, актрисы и «королевы наркоманов» Москвы конца 1910 — начала 1920-х гг. Натальи Поплавской. За исключением одного юношеского снимка, неизвестны ни ее фотографии либо портреты, ни годы жизни.

Наталья Юлиановна Поплавская родилась в Москве во второй половине 1890-х годов² в семье музыканта, журналиста и промышленника Юлиана Игнатьевича Поплавского (1871-1958) и его жены Софьи Валентиновны, урожденной Кохманской (1871-1948). Родители познакомились в Московской консерватории: Софья Валентиновна, приходившаяся дальней родственницей Е. П. Блаватской и сама позднее увлекавшаяся антропософией, собиралась стать скрипачкой. Впрочем, вскоре супруги от музыки отошли — очевидно, под влиянием властной жены Ю. И. Поплавский обратился к другим занятиям. О них вспоминает в книге «Москва купеческая» П. А. Бuryшкин (Н.-Й., 1954, и многочисленные переиздания):

Совершенно иной характер носило Общество заводчиков и фабрикантов Московского района. Эта организация появилась после событий 1905 года и носила резко подчеркнутый профессиональный характер. Целью ее была защита интересов промышленности и торговли, с одной стороны — против Правительства, с другой про-

¹ «Герой труда (Записи о Валерии Брюсове)». См.: Цветаева М. Проза. Н.-Й., 1953. С. 239-240.

² По мнению В. А. Дроздова, в 1896 или 1897 г. См.: Дроздов В. А. *Dum spiro spero*: О Вадиме Шершеневиче, и не только. Статьи, разыскания, публикации. М., 2014. С. 665.

тив рабочих. Во главе общества стоял Юлий Петрович Гужон, очень образованный француз, крупный металлургический заводчик, человек европейской складки, сильно обрусевший, энергичный. <...>

Если Гужон был председателем, то был еще и вице-председатель, который значил не меньше, если не больше председателя, так как он свою эту роль сочетал, в сущности говоря, с управлением делами. Это был Юлиан Игнатьевич Поплавский, чрезвычайно оригинальная и колоритная фигура даже для Москвы того времени.

Поплавский был музыкант. Он окончил (и очень хорошо) Московскую Консерваторию, по классу фортепьяно, был одним из любимых учеников П. И. Чайковского, — во всяком случае, весьма ему близких, что видно по его воспоминаниям.

Почему он переменял музыкальную карьеру на торгово-промышленное представительство, сейчас не помню. Для этого были какие-то основания, вероятно, и материальная сторона играла немалую роль. Лично я музыкантом его не помню, много потом лишь слышал его играющим на рояле, но по обществу заводчиков и фабрикантов сталкивался с ним с первых же дней.

Поплавский был человек чрезвычайно одаренный, редко можно было встретить такую, как у него, легкость слова и легкость пера. Говорить он мог на любые темы, и самый серьезный сюжет трактовал иногда в легком тоне. Его манера говорить, а она соответствовала его манере одеваться, — очень раздражала многих, особенно людей старой складки, как например, Г. А. Крестовникова, и Поплавского недолюбливали. Как говорили, его даже «не пускали на биржу»; фактически это было, видимо, верно: его не приглашали, и это создавало своего рода конфликт между Обществом заводчиков и фабрикантов и Биржевым комитетом. Он выступал и в Петербурге, в Совете Съездов, куда он постоянно ездил, наравне с Гужоном, от своей организации.

Когда нужно было набросать какой-нибудь письменный документ, проект обращения, или резюме беседы, он был незаменим, делал это с величайшей легкостью и изяществом. Постепенно к его манерам привыкли, стали приглашать его на совещания при Биржевом комитете, в особенности, когда дело касалось рабочего вопроса, поскольку архаическая организация Биржевого Комитета стала отставать от времени, главным образом в отношении собирания материалов по текущей статистике и по всякого рода документам по рабочему вопросу. У Поплавского, на Мясницкой, где помещалась его канцелярия, дело было поставлено на широкую

ногу, и Обществу удалось весьма быстро (оно существовало всего 12-13 лет) накопить ценный материал.

В семье, включая Наталью, было четверо детей: Всеволод, Борис (1903-1935), ставший выдающимся поэтом русской эмиграции, и рано умершая от туберкулеза Евгения. О том, какого рода образование получила Наталья, свидетельствует мемуарный очерк Ю. И. Поплавского, написанный после смерти Бориса — у сына, пишет он, была няня, затем немецкая бонна и французская гувернантка, позднее гувернеры (швейцарцы и англичане); занимались с ним и русские репетиторы и студенты³. Болезнь Евгения вынудила мать в 1906 г. увезти всех детей за границу; они провели три года в Швейцарии и Италии.

Несмотря на богатую жизнь, дети тяготились домашней обстановкой. Биограф Бориса Е. Менегальдо указывает на «бесчисленные нравоучения, упреки и требования» матери — в том числе и требования не только духовных, но и материальных успехов⁴. «Жили богато, но детей притесняли и мучили, хотя ездили каждый год за границу и т.д. Дом был вроде тюрьмы, и эмиграция была для меня счастьем» — вспоминал Борис⁵. По словам возлюбленной Бориса Н. Столяровой, «во время какого-то спора с матерью Б. Поплавский обвинил ее, что она своей властью добилась ухода из дома дочери, и в ее наркомании»⁶.

Наталья приучила младшего брата и к наркотикам, и к стихам. «Когда старшая сестра Бориса Наташа, блестяще образованная и талантливая девушка, выпустила в Москве свой сборник стихов, считаясь молодой авангардной поэтессой, Борис из чувства соревнования, или, скорее, подражания, тоже начал писать в ученических тетрадах “свои” стихосложения, сопровождавшиеся фантастическими рисунками»⁷ — пишет Ю. И. Поплавский.

³ Ю. Поплавский. Б. Поплавский. Новь (Таллинн). 1936. № 8. С. 144-147. Цит. по: Поплавский Б. Неизданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М., 1996. С. 423.

⁴ Там же. С. 27-28.

⁵ Из письма Ю. П. Иваску от 19.11.1930. Там же, с. 241.

⁶ Ответы Н. И. Столяровой на вопросы, заданные А. Н. Богословским // Там же. С. 73.

⁷ Ю. Поплавский. Там же, с. 423.

Н. Поплавская. Фотография с билета слушательницы Московских
высших женских юридических и историко-филологических курсов
Н. А. Полторацкой, 1915 г. ЦГА Москвы (ОХД до 1917 г.).
Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 6290.

В юношеских стихах Поплавского, написанных в Харькове в 1918 году, мелькают «курильни гашиша и опия», торгующие кокаином московские доктора; показательно посвященное Наталье стихотворение «Караваны гашиша». Вероятно, все это было хорошо знакомо и его сестре.

В июне 1915 г. Поплавская поступила на юридический факультет Московских высших женских юридических и историко-филологических курсов Н. А. Полторацкой. Неизвестно, как долго она посещала занятия; в ее экзаменационной книжке нет никаких отметок⁸.

Уже в 1916 г. Н. Серпинская встречается на литературных вечерах в салоне поэтессы Л. Столицы «неизвестную мне раньше, невероятно намазанную, с темными глазами, обведенными кругами, и порочным, утомленным ртом Наталью Поплавскую, дочь крупного инженера Юлиана Поплавского»⁹. Поплавская посвящает стихи выступающему в образе «лунного Пьеро» А. Вертинскому, поэту и прозаику В. Королевичу — автору изъятной цензурой эротической повести «Молитва телу» — актерам театра и кино, московским франтам.

Первая и единственная книга Н. Поплавской «Стихи зеленой дамы» увидела свет в Москве в 1917 г. тиражом в 300 экз. В нее вошли стихотворения 1914-1916 гг. — манерные и жеманные перепевы А. Ахматовой, И. Северянина, Н. Львовой, любовная лирика в декорациях мирискуснического Версаля, условного Средневековья или ресторанов и артистических кабаре современного города. «Основная тема поэзии Поплавской — переживания рефлексирующей, близкой к миру искусства женщины, у которой не хватает воли, чтобы разорвать кольцо грубых мужских объятий» — замечают составители антологии «Сто одна поэтесса Серебряного века»¹⁰. Одно из стихотворений книги, «Ты едешь пьяная и очень бледная...», вошло впоследствии в репертуар П. Лещенко и стало «достоянием городского фольклора», другое, в книгу не вошедшее («Попугай Флобер») превратилось в исполнении

⁸ ЦГА Москвы (ОХД до 1917 г.). Ф. 361. Оп. 1. Ед. хр. 6290.

⁹ Серпинская Н. Флирт с жизнью: Мемуары интеллигентки двух эпох. М., 2003. С. 146. Как видим, сведения Серпинской не совсем точны.

¹⁰ Сто одна поэтесса Серебряного века: Антология / Сост. и биогр. статьи М. Л. Гаспаров, О. Б. Кушлина, Т. Л. Никольская. СПб., 2000. С. 175.

А. Вертинского в знаменитую песенку «Jamais».

На книгу отозвался злой и не совсем справедливой (учитывая годы написания стихов) рецензией В. Ходасевич:

Стихи г-жи Поплавской — очень модные: тут и самоновейшие приемы стихотворной техники, выработанные поэтами последнего десятилетия, и «утонченно-урбанистические» переживанья, и весь ассортимент изысканности, вынесенный из «фешенебельных» прогулок по Кузнецкому Мосту: пудры, духи, коньяки, «прапорщики с синими глазами», разные Пьеро и Арлекины. Но модные стихи эти глубоко не современны: как-то удивительно даже, что в наши трагические дни пишутся такие пошлости. Извиняюсь за «непоэтическое» сравнение, но когда вся страна ходит босиком по снегу, тут-то и появляются «зеленые» и других цветов дамы, до самых ушей зашнурованные в отличнейшие кожаные ботинки. И это довольно противно¹¹.

Н. Равич, будущий разведчик, дипломат, прозаик и эзк, поставил Поплавскую в один ряд с Северяниным, Вертинским и Королевым: «20-й век вырвал из их души любовь, затянул их нервы как струны, сделал их фантазию затейливо-пестрой, пропитал их душу, мозг и кровь раствором из кокаина, разврата и никогда не проходящего пьяного угара», однако призвал читателей не смеяться «над ее стихами, над ее картонными паяцами, над ее румянами, над ее кокаинными пьерро. Здесь умирает человеческая душа. Здесь умирает истинная любовь»¹².

В сходном духе была выдержана рецензия Клавдии М-и из женского журнала «Пчелка», где Поплавская в 1917-1918 гг. публиковала стихи, рассказы и прозаические миниатюры. В стихах Поплавской рецензентка увидела страдания женской души, истерзанной «накипью большого города»; любви нет, крутом одни лишь «развращенные, отравленные кокаином и морфием марионетки с пустым умом и сердцем»¹³.

Видимо, Клавдия М-и, как и Равич, была хорошо знакома с Поплавской, которой сопутствовала «наркотическая» слава — отсю-

¹¹ W [Ходасевич В.]. Наталия Поплавская. Стихи зеленой дамы. М., 1917 // Русские ведомости. 1918. № 26. 20 февр.

¹² Равич Н. О книгах // Фонарь (Москва). 1917. № 1, 4 сент. С. 4.

¹³ М-и, Клавдия. Литературные заметки // Пчелка (Москва). 1917. № 11. С. 12.

да в рецензиях это нагнетание упоминаний кокаина, морфия и «наркозов». В «Стихах зеленой дамы», правда, Поплавская обходит наркотические увлечения стороной, но маленькая танцовщица Маруся из напечатанного в «Пчелке» рассказа «Маска страсти» без кокаина обойтись не может:

— Что с вами, отчего вы такая бледная?

Он заглянул в ее расширенные зрачки и, не дожидаясь ответа, покачал головой.

— Опять вы... гадость какая. Вы же мне обещали.

Она виновато улыбнулась.

— Я совсем немного, честное слово.

<...>

Опустилась на кресло и, крадучись, точно боясь, что ее увидят, достала из-за корсажа маленькую баночку. Сняла крышку. С помутившимся взглядом на белом лице, вдыхала белый порошок с резким, сладким запахом. Потом встала и, шатаясь, пошла к двери¹⁴.

С открытием «Кафе поэтов» в Настасьинском переулке осенью 1917 г. Поплавская становится постоянной посетительницей этого футуристического заведения и участницей проходящих в кафе литературных вечеров. Так, в конце 1917 г. (28 декабря, 10 января 1918 г. н. ст.) она участвовала в прениях по докладу поэта Л. Монозона «Реформа любви». Афиша вечера гласила: «В разговорах примут участие: Вл. Маяковский, киты мира: Вл. Королевич, Вл. Гольцшмидт и Н. Равич, поэтесса Н. Поплавская и желающие вниматели из пришедших» (ГЛМ).

О других ее выступлениях в «Кафе поэтов» ходили легенды: «Там происходили действительно ужасные вещи, голые какие-то девушки танцевали без всякого прикрытия: Анна Гольцшмидт (сестра Гольцшмидта), Елена Бучинская, кажется, дочь Тэффи, Поплавская. Ну, это было, когда мало было публики»¹⁵.

¹⁴ Поплавская Н. Маска страсти // Пчелка (Москва). 1917. № 12. С. 9-10.

¹⁵ Воспоминания Екатерины Тимофеевны Барковой о В. В. Маяковском / Публ. Е. А. Снегиревой // Маяковский продолжается: Сб. научных статей и публ. архивных материалов. Вып. 2. М., 2009. С. 233. Об одном случае «голого танца» актрисы и танцовщицы, дочери писательницы Тэффи Е. Бучинской (1894-1957) известно из воспоминаний Т. Фохт-Ларионовой, однако Поплавская здесь не упоминается: ««Как-то поздно

Подобный «обнаженный танец» Е. Бучинской и Н. Поплавской красочно изобразил в автобиографической повести «Парад осужденных» (1931) поэт, прозаик и мемуарист С. Спасский:

Елена Лучинская выходит из клетки, что рядом с эстрадой, слегка закинув голову, будто гордясь наготой. Она неузнаваема, всем нам известная Елочка Лучинская, читающая наши стихи. Она смотрит поверх наших лиц, подставляя желтизну своей кожи взглядам сидящих. Нет, она не выглядит обнаженной. Электрические отблески переливаются через плечи на спину, разделенную едва ощутимой ложбинкой, скатываются по бедрам и затихают на узких ступнях. Сияние ее тела продолжается в воздух. От сгибающихся колен отлетают медные блики. Взобравшись на стол, она тихо танцует. Протяжно передвигает золотистые длинные ноги. Она одета движениями. Крышка стола поскрипывает. Елена прижимает к ней то одну ступню, то другую. И будто восходит по лестнице, по упругой невидимой лестнице, наклонно приставленной к сумраку.

И тут из угла прыжками Наташа. Она тоже сорвала одежду. И теперь обегает стол, обегает танец Елены. Тело ее мерцает и скользит, ей никак не найти равновесия. Она кажется сброшенной под откос. Локти, плечи, колени, все угловато несет, вот-вот она разлетится на части. Громко дышит, плоский живот ее вздрагивает и втягивается внутрь от усилий.

<...>

Наташа пронзительно вскрикивает, подскочила кверху и падает на пол. К ней бросаются, ее поднимают и медленно тащат. Ноги ее виснут бессильно, худенькие ноги, словно переломленные в коленях. Она без сознания. В уголках губ пузырьки. Елена остановилась, пробужденная криком Наташи. И смотрит, наклонившись вперед, как выносят Наташино тело. Что-то торжественное и выдуманное в этой поспешной процессии. Грозное и тревожащее. Так уносят в цирке летуний, скользнувших мимо трапедий. Хрупких, как насекомые,

ночью, когда публика уже разошлась и остались только свои, Елена Бучинская голая танцевала на столе. Вокруг, по краям длинного стола, прикрепили свечи. Мама (она была со мной) сняла с себя египетский серебряный шарф. Он был сплошь заткан маленькими серебряными пластинками, напоминая кольчугу, и надела на Елену. Было это очень эффектно и, кстати, поприличнее» (<http://feb-web.ru/feb/rosarc/rab/rab-643-.htm>).

Елена Бучинская

гибнущих пестрой и праздничной смертью. Но Наташа, конечно, жива. Она дышит сквозь зубы¹⁶.

В повести Спасского описанный эпизод отнесен к приватному вечеру, которым завсегдаи отметили закрытие «Кафе поэтов» в апреле 1918 г. В целом же «Парад осужденных» Спасского, эта повесть «с ключом» — ценнейшее и наиболее подробное свидетельство о жизни Поплавской в 1918 г. Слово «свидетельство» в приложении к художественному тексту, безусловно, может показаться далеко идущим преувеличением, однако повесть Спасского настолько документальна, что позднее автор, чуть переработав, перенес целые фрагменты из нее в свои воспоминания «Маяковский и его спутники» (1940).

«Наташа», как Поплавская названа в повести, обитает в анархической коммуне, расположившейся в «реквизированном» особняке; она — любовница руководителя коммуны, анархо-террориста по прозвищу «Гуго», личности темной и загадочной:

Гуго ездит ночами в машине, притушив фонари. Откуда он взялся, из актеров, лакеев одесской кофейной? Кем он был, офицером, бандитом? Вождь не любил разговаривать. У него ручной чемодан крокодиловой кожи, в котором серьги, браслеты и кольца. Где он набрал их? Вождь не любил разговоров. Актриса Наташа ходит к нему ночевать. В рваных чулках и в легчайшем шелковом платье. Вечно пахнущая эфиром, вечно пьяная чем-то, с грудным вздыхающим голосом.

Рыженькая Наташа, любовница Гуго, выглянула из-за двери. Ее глаза, наркотически полоумные, уперлись в Ирину. Видя ее в обществе Абрама, она приняла пребывание Ирины как должное.

— Все болтаешь, Абрам, — резко выкрикнула она, засмеялась, и, повернувшись на каблуках, бесцельно пошла по комнатам. Ее мутило от блеска ламп. Она была пьяна, как всегда. Ее высокие шнурованные ботинки цеплялись о клетки паркета. Казалось, она прислушивалась к далекой упругой мелодии¹⁷.

Два описания относятся, соответственно, к митингу анархистов и вечеру в «Кафе поэтов»:

¹⁶ Спасский С. Парад осужденных: Двухголосая повесть. Л., 1931. С. 139-140.

¹⁷ Там же. С. 111, 102.

А тут на эстраду в соломенном черном цилиндрике-шляпке порхнула Наташа. Она роняла ладони вперед, будто два измятых цветка.

— Женщины революции! — играла она сиповатым контральто. — Вы должны украсить новую жизнь. Я призываю вас! Здесь наши братья, наши мужья!

Гуго сгреб ее в руки и кинул стоящим у кафедры. Наташа метнулась, как брошенный факел. Ее подхватили и обняли. Она целовала кого-то. И стены и потолок швырялись аплодисментами.

Вот раскрывают пианино. <...> Наташа стоит на эстраде. Ребенок с пылающими, как заря, волосами. Заря, душно лежащая на плечах и на шее. Кукольные руки прижаты к груди. Ноги в желтых чулках, как две восковые свечи. Она поет «Ветку сирени»¹⁸.

Как выясняется из мемуаров Спасского, зловещий анархист «Гуго» отнюдь не был вымышленным персонажем — и вдобавок, если верить мемуаристу, вел какие-то секретные дела с «футуристом жизни», поэтом и атлетом В. Гольцшмидтом (1886-1954), выпившим «Кафе поэтов» у его владельца Н. Д. Филиппова:

Прозывался он таинственно «Гуго», ходил в шелковой цветной рубашке на манер Г.<ольцшмидта>. Плотный брюнет южной наружности, не то бессарабец, не то грек. Иногда он таинственно исчезал в подкатившем автомобиле с потушенными фонарями. Ходили слухи, — Гуго отправился на «операцию». Какие-то нити его связывали с Г.<ольцшмидтом>. О чем-то они шушукались в кухне. Что-то привозил Гуго «футуристу жизни». Вероятно, кафе было удобной явкой для сомнительных Гуговских затей¹⁹.

Участие в деятельности «Кафе поэтов» не помешало Поплавской присоединиться в феврале 1918 г. к «антифутуристическому» кружку «Зеленое яблоко», организованному Королевичем и Моносоном. Организаторы пригласили не только Поплавскую, но и поэтессу и будущую мемуаристку Н. Серпинскую; в марте Поплавская участвовала в первом (закрытом) вечере кружка, где

¹⁸ Там же. С. 121, 136.

¹⁹ Спасский С. Маяковский и его спутники. Л., 1940. С. 109.

она и Моноззон выступили с докладами о творчестве В. Инбер²⁰.

27 февраля 1918 г. Поплавская участвует в напумевшем вечере «Избрания короля поэтов» в Большой аудитории Политехнического музея; как известно, королевский титул получил на этом вечере И. Северянин. Пресса отмечает: «Во второй половине вечера артистка и поэтесса Наталья Поплавская с большим искусством прочитала стихи Валерия Брюсова, Бальмонта, Шершеневича, Анны Ахматовой и Александра Блока»²¹.

Первого марта 1918 г. Поплавская выступает на вечере молодых поэтов в Малом зале Консерватории; вновь отмечается, что она прочитала стихи (на сей раз собственные) «с большим искусством»²². Две недели спустя, 15 марта, она читает стихи А. Блока, В. Брюсова и И. Северянина на официальном открытии литературного кафе «Музыкальная табакерка» — «неофициальное» состоялось ранее.

В. Шершеневич привлек Поплавскую, успевшую вступить в труппу артистов Театра Корша, к участию в проводившихся в кафе «Живых альманахах». В «Музыкальной табакерке», располагавшейся на углу Петровки и Кузнецкого, Поплавская выступала 15 марта, 22, 25, 30 апреля («Игорь Северянин в интерпретации арт. Театра Корша Н. Поплавской»), 7 мая и 2 июня 1918 г.²³.

Имя Поплавской также значится на афише вечера «Поэзия» в Доме союзов 29 марта 1918 г. На этом вечере наряду с чтением сти-

²⁰ Литературная жизнь России 1920-х годов: События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1: Москва и Петроград. 1917-1920 гг. / Отв. ред А. Ю. Галушкин. М., 2005. С. 112, 126.

²¹ Литературный «конвент» // Наше время. 1918. № 37. 28 (15) февраля. С. 2. Газетное свидетельство расходится с программой вечера, где значилось: «Артистка Наталия Поплавская прочтет стихотворения Ив. Алек. Бунина и Валерия Брюсова» (ГЛМ).

²² В. И. Вечер поэтов // Мысль. 1918. № 7. 19 февраля (4 марта). С. 2.

²³ Дроздков В. А. *Dum spiro spero...* С. 666. «Тут выступала одаренная Наташа Поплавская, дочь богатого фабриканта, публично отрекшаяся от него. Потом она примирилась с отцом и эмигрировала» — вспоминает В. Шершеневич (Шершеневич В. Великолепный очевидец: Поэтические воспоминания 1910-1925 гг. // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 547-548).

Ивану Михайловичу
Вароннову на память о
старой дружбе. Н. Т. Поплавская

Дорогой друг Алексей
Филиппович Голубов от автора.
3/8 1917. Н. Поплавская

Автографы Н. Поплавской на экземплярах «Стихов зеленой дамы». Чрезвычайные различия в почерке заставляют предположить, что по крайней мере один из автографов является фальшивым.

хов были обещаны «литературно-музыкальные иллюстрации» при участии А. Вергинского, В. Хенкина, Н. Поплавской, Е. Бучинской, А. Гольцшмидт, В. Иодко и др. (композиторы А. Архангельский и А. Бакалейников)²⁴.

В ноябре 1918 г. Поплавская выступила на открытии эстрады Союза поэтов (в кафе «Домино» на Тверской) совместно с В. Каменским, В. Шершеневичем, Р. Ивневым, С. Есениным, С. Клычковым и другими поэтами, а в декабре была даже избрана в программную комиссию союза.

Как замечает В. Дроздков, «с открытием кафе ВСП Поплавская стала самой активной из поэтесс, выступавших на эстраде в первый год его существования. С ноября 1918 по август 1919 года как артистка и поэтесса она участвовала в 22 мероприятиях. Кроме своих, она читала стихи Блока (7 мая 1918), символистов (19 марта 1919), урбанистов, в том числе Маяковского и Шершеневича (2 апр. 1919). <...> Из всех поэтесс в то время только ей удалось единолично провести “Вечер артистки и поэтессы Наталии Поплавской”»²⁵. В клубе поэтов Поплавская выступала также на «Вечере поэзии и легкой песни» совместно с В. Каменским и др. (22 января 1919) и совместном вечере с Т. Мачтетом и Арго (23 февраля).

Тем временем семья Поплавских разделилась. Юлиан Игнатьевич и юный Борис бежали летом 1918 г. на юг. Им предстоял долгий путь: отъезд из Крыма в Константинополь (март 1919), возвращение в «белую» Россию летом 1919 г. (Новороссийск – Екатеринодар – Ростов-на-Дону) и вновь эмиграция в Константинополь в декабре 1920 г. Летом 1921 г. Ю. И. Поплавский был вызван на съезд представителей русской промышленности и торговли в Париж, где и поселился с сыном. С. В. Поплавская с Всеволодом, Евгенией (умерла в 1921 г.) и Натальей оставалась в Москве.

К лету 1919 г. Поплавская сблизилась с имажинистами и вслед за ними опубликовала в последнем номере анархистского журнала «Жизнь и творчество русской молодежи» отрывок из поэмы «Сын Человечий»²⁶. В этом яростном имажинистском тексте, вы-

²⁴ Литературная жизнь России 1920-х годов... С. 144-145.

²⁵ Дроздков В. А. *Dum spiro spero...* С. 666.

²⁶ Жизнь и творчество русской молодежи. 1919. № 34-35, 1 июня. С. 5. К сотрудничеству в этом журнале имажинистов и других поэтов привлек В. Шершеневич, напечатавший здесь ряд статей, в том числе «Ис-

казывавшем немалый творческий рост, не было ни следа прежней «дамской» поэтики Поплавской. В экстренном дополнении к указанному номеру, вышедшем 16 июня, Шершеневич писал в статье «Современные поэтические группировки»: «<...> уже создается целая группа молодежи имажинизма: Н. Эрдман, Г. Сидоров, Н. Поплавская»²⁷.

28 августа 1920 г. Поплавская читает стихи на совместном вечере с Я. Полонским, Е. Куммингом, М. Ройzmanом и А. Адалис в помещении Союза поэтов; ее имя значится на афише «устного конкурса на призы за лучшие стихи», устроенного союзом 7 декабря 1920 г. в Политехническом музее.

11 декабря того же года Поплавская участвует в «Вечере поэтесс» в Политехническом музее под председательством В. Брюсова (участвовали, помимо Поплавской, А. Адалис, Н. Бенар, Н. Вольпин, Н. де Гурно, В. Ильина, Ф. Коган, М. Марьянова и М. Цветаева) — тогда-то она и предстает перед Цветаевой «лихорадочной меховой красавицей» с «кокаином в зрачках».

«Вообще скажу, что в чуждом мне мире профессионалок наркотической поэзии меня встретили с добротой, — записывает позднее Цветаева. — Женщины, вообще, добрей. Мужчины ни голодных детей, ни валенок не прощают. Та же П<оплав>ская, убеждена, тотчас же сняла бы с плеч свои соболя, если бы я ей сказала, что у меня голодает ребенок»²⁸.

В 1921-1922 гг. Поплавская бедствует и опускается — так, по крайней мере, уверяет не слишком расположенная к сопернице по поэтическому успеху и поклонникам Н. Серпинская:

Отец Наташи Поплавской — инженер, председательствующий в организованном для борьбы с большевиками в 1917 году «Обществе фабрикантов и заводчиков» — бежал с Павлом Павловичем Рябушинским через Ростов-Одессу в Париж, обещав выписать жену и дочь. Однако время шло, но ни известий, ни денег обе женщины не получали. Они стали продавать меха, драгоценности, потом себя. Мать, благоразумная и рассудочная, завела себе солид-

кусство и государство» с проповедью «анархического имажинизма» (1919. № 28-29, 13 апреля. С. 5).

²⁷ Жизнь и творчество русской молодежи. 1919. № 34-35, 16 июня (Экстренный выпуск). С. 4.

²⁸ Цветаева М. *Op. cit.*

ного покровителя, а Наташа кидалась из стороны в сторону, опускаясь все ниже. В 1921–1922 годах ее, оборванную, опухшую от пьянства, в опорках, с компанией профессиональных бандитов и воров встречали на Трубной площади – очаге всего хулиганского и наркоманского люда²⁹.

Хотя рассказ Серпинской изобилует неточностями, косвенные свидетельства частично его подтверждают. Судя по дневникам Б. Поплавского, Наталья не то вышла замуж, не то завела гражданского мужа:

13.3.21 <...> Сегодня утром папа читал письмо от мамы, о том, что Ладя [Всеволод Поплавский] в Ревеле. Наташа все та же, бедная. О муже ее мама не говорит нарочно³⁰.

В Париже отец и брат продолжают получать какие-то известия о Н. Поплавской, и в мае 1922 г. Борис записывает в дневнике:

Наташа сидит в тюрьме за кражу, ибо теперь полковник ее муж, и они дошли до соседских <...>³¹

Весьма вероятно, что именно Н. Поплавскую имел в виду психиатр Л. А. Прозоров, писавший в статье «Кокаинизм и преступность» (1923):

Талантливая актриса и поэтесса П., доставленная ко мне на экспертизу следователем, нюхает кокаин, потому что разочаровалась во всем, — в искусстве, которое она любила, в мужчинах, к

²⁹ Серпинская Н. Флирт с жизнью: Мемуары интеллигентки двух эпох. М., 2003. С. 222–223.

³⁰ Поплавский Б. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3: Статьи. Дневники. Письма. М., 2009. С. 166. Эта запись никак не может относиться к пребыванию Н. Поплавской в Шанхае, как указано в т. 1 данного изд. (с. 23).

³¹ Там же, с. 249. Необъясненная купюра принадлежит составительнице Е. Менегальдо (в т. 1 в этом месте записи значится «[нрзб.]»); кто такой «полковник», упомянутый в качестве мужа Н. Поплавской — загадка.

которым чувствует отвращение, наконец, в самой себе. Родные находят ее раздетой, пронюхавшей все в одном из притонов на «Трубе». Дело возбуждено о ней потому, что, будучи «заноханной», она подписала какой-то протокол и потом, безо всякой нужды, на суде отказалась от своей подписи³².

Но вернемся к рассказу Серпинской:

Наконец, во время нэпа, какие-то друзья ее [Н. Поплавской] отца, очевидно, получив директивы из Парижа, выхлопотали ей паспорт и снабдили деньгами на дорогу.

Потом о ней доходили из-за границы противоречивые, путанные слухи, выдуманные, впрочем, как вообще обо всех эмигрантах. То она вышла замуж за мелкобуржуазного француза и родила даже двух детей, превратившись в семейную даму. То какой-то экзотический принц, прельстившись ею в ночном кабаре, женился на ней и увез на свой «дикарский остров» где-то на Тихом океане, и Наташа теперь — королева нескольких тысяч дикарей. Особенно занятно было представлять ее в короне из перьев, с кольцом, продетым в носу, в бусах и листьях вокруг пояса, прыгающую под звуки тамтама через священные костры. Выходило — прямо идеал модных романов Поля Морана. Ее близкие знакомые, родные, «бывшие люди», равнодушно смотревшие и ничего не делавшие, чтобы спасти ее, направить по другому, трудовому пути, легко доступному всякой живой, толковой женщине, захлебываясь от восторга, с уважением рассказывали о сделавшей «феерическую карьеру» Наташе Поплавской³³.

Некие основания для таких экзотических слухов, видимо, имелись. После отъезда³⁴ Н. Поплавской и ее матери за границу вся

³² Прозоров Л. Кокаинизм и преступность // Криминалист (Москва). 1923. № 1. Октябрь. С. 84-89. Здесь, как и в мемуарах Серпинской, фигурируют притоны «Трубы» — Трубной площади.

³³ Серпинская Н. Флирт с жизнью... С. 223.

³⁴ По сведениям А. Ю. Галушкина (1960-2014), в период 1924–1926 гг. «присутствие Поплавской в литературных кругах Москвы еще можно проследить по единичным упоминаниям; позднее сведений нет. Таким образом, <...> время отъезда Поплавской за границу <...> следует пе-

семья собралась в Париже. Вскоре наступили тяжелые времена — Ю. И. Поплавскому, работавшему вначале в Бюро защиты прав русских граждан за границей, пришлось давать уроки музыки в Русском музыкальном обществе и работать тапером в захудалом парижском кинотеатре³⁵, Всеволод был вынужден сесть за баранку такси, С. В. Поплавская — за швейную машинку. Как пишет Ю. И. Поплавский,

<...> сестра Наташа, которая помогала семье, «уехала искать нового счастья» на Мадагаскар, оттуда в Африку, Индию, а потом внезапно умерла в Китае от крупозного воспаления легких³⁶.

Исследователи безжалостно добавляют — «осложненного злоупотреблением опиумом»³⁷.

А. Шерман

редвинуть на вторую половину десятилетия» (<http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6505.php>).

³⁵ Поплавский Б. Собрание сочинений... Т. 1. С. 23. Для сравнения приведем сведения о Ю. И. Поплавском из справочника «Вся Москва» на 1916 г.: «Кривоколенный 14. Т. 155-95. Вицепредс. О-ва заводчик. и фабрикант. Моск. пром. района; Председ. Отд. Моск. Военно-Промышл. комит. по обеспечен. фабр. и заводск. рабочим состав.; Управл. делами Съезда русск. фабрикант. земледельческ. машин; Чл. Правл. Моск. О-ва для надз. за паров. котлами; Управл. Сов. Российск. Акц. О-ва химическ. промышл. 1914 г.; Управл. делами Моск. О-ва фабрикант. парфюмерн. произв.; О-во экспедиторск. и транспортн. фирм; О-во фабрикант. кондитерск. произв.; Завед. экономическ. отд. редакц. «Утро России», Чл. заводск. Совещ. по обороне государства по Моск. Району» и т.д. (Вся Москва: Адресная и справочная книга на 1916 год. М., 1916. С. 398).

²⁵ Ю. Поплавский. Б. Поплавский. Новь (Таллинн). 1936. № 8. С. 144-147.

³⁶ Цит. по: Поплавский Б. Незданное: Дневники. Статьи. Стихи. Письма. М., 1996. С. 425.

³⁷ Менегальдо Е. Монпарнаса русского Орфей // Поплавский Б. Собрание сочинений... Т. 1. С. 23. В 1935 г. от отравления наркотическим веществом в Париже умер и Б. Поплавский.

КОММЕНТАРИИ

Все включенные в книгу тексты, помимо отдельно означенных, публикуются по первоизданиям. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

В оформлении обложки использована работа Т. де Лемпицкой (Лемпика). Рис. в тексте С. Лодыгина.

СТИХИ ЗЕЛЕННОЙ ДАМЫ

Поплавская Наталия. Стихи зеленой дамы: 1914-1916. М.: тип. Т-ва Рябушинских, 1917.

Игорю – единственному

Стихотворение, вероятно, посвящено поэту И. Северянину, что подтверждается эпиграфом, взятым из стих. Северянина «Сказание об Ингрид» (1915). В марте 1919 г. «Мысль» сообщала о намерении Северянина отправиться в американское турне совместно с Н. Поплавской, но буквально несколько дней спустя (22 марта) Северянин выехал в Эстонию.

С. 8. *И насмешливо настроенная публика / Назвала меня «зеленой дамой»* — Зеленое платье с «красными маками» могло вызвать в памяти «публики» чеховских «Трех сестер», где сочетание розового и зеленого (платье Наталии Ивановны) описано как образец дурновкусия; возможна также аллюзия на «зеленую фею» абсента и *Green Lady* (фейри и призрак) шотландского фолкклора. Вместе с тем, у А. Толстого в «Хождении по мукам» папиросная коробка с «зеленой дамой» выступает как маркированная деталь: «Даша остановилась у подъезда и носком высокого башмака стала передвигать взад и вперед по асфальту кем-то брошенную коробку от папирос, с картинкой — зеленая дама, из рта дым» (описанию Толстого относительно соответствуют папиросы «Десерт» петербургской табачной фабрики Колобова и

Боброва). Любопытны соображения выдающегося слависта О. Ронена (1937-2012) по поводу связи образа «зеленой дамы» и всего корпуса легенд о Н. Поплавской с «Green Lady», упомянутой в рассказе В. Набокова «Ассистент режиссера». Приведем соответствующие фрагменты из его переписки с исследователем творчества и переводчиком Набокова Г. Барабтарло:

«Я тогда не стал выражать сомнений по поводу артуровского источника Green Lady, но вспомнил один загадочный эпизод из истории русской эмиграции. У Бориса Поплавского была сестра Наталия Поплавская, она была известна в кругах московской богемы в 1910-е — начале 1920-х годов, автор песенки “Ты едешь пьяная и очень бледная...” (репертуар Лещенко). Ей удалось каким-то образом выехать в Париж, там она вскоре исчезла, ходил слух, что она была послана Советами. Были и другие слухи, романтические. Так вот — в 1917 году она выпустила сборник: “Стихи зеленой дамы”. <...>

...Я думаю, для американского читателя он специально дал такие имена [Луиза фон Ленц, Зеленая леди], которых читатель не знает, таким образом, возникает тот же эффект, что “Славска”, имя неизвестное, но рассказ основан на факте.

Зато уж русский читатель-эмигрант вроде Струве и др. заподозрил бы. Есть несколько замков, в которых бродит “Зеленая женщина”, но это совсем не подходит к сюжету, где нужна женщина энергичная и “пробивающаяся”. Американский читатель стал бы искать в книгах о знаменитых шпионах и шпионках — и ничего бы не нашел. Шуточки. Но Поплавским Набоков интересовался, а говорили, что именно сестра приучила Поплавского к наркотикам. И автор песен, ставших популярными. Интересно, пела ли их Плевицкая? <...>

Мне пришло в голову <...>, в чем сходство Плевицкой, Луизы Ленц и Наталии Поплавской. Все три пробились в высокий свет и приблизились к августейшим особам, Плевицкая — в Царское Село, Ленц — к прусскому королю, а о Поплавской после ее исчезновения возникла легенда, будто она в Париже очаровала некоего экзотического potentata и вышла за него замуж.

Интересно бы прочесть “Стихи зеленой дамы”. <...>

Очевидно, она себя называла “зеленой дамой”, да иначе вышло бы подражание Блоку. <...>

...[в романсе] слова Поплавской, а музыка неизвестного композитора. В примечании, конечно, о сходстве троих не надо писать, пускай читатель сам думает, но что Green Lady, “возможно”, На-

талия Поплавская, автор книги “Стихи зеленой дамы” и возбуждавшая толки фигура московской и парижской богемы, это, по моему, более вероятно и интересно, чем шотландское привидение...” (Записки из одного угла: Из писем Омри Ронена к Геннадию Барабтарло / Публ., вступ. заметка и прим. Г. Барабтарло // Звезда. 2013. № 5).

Mon Ami Pierrot

Адресат посвящения (ему же посвящен весь первый раздел книги, «Розы в пудре» — Н. К. Елин (? — 1967), сын коммерсанта, адвокат, актер. Участник белого движения. Эмигрировал, жил в Германии.

С. 10. «*Au clair de la lune*» / «*Mon ami Pierrot*» — «В лунном свете, друг мой Пьеро» (*фр*). Цитата из известной франц. песенки XVIII в., положенной на более старую (XVI-XVII вв.) мелодию.

Вечером

Первые две строфы стих. — подражание стих. А. Ахматовой «Сжала руки под темной вуалью» (1911):

Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.

Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».

Капризница

С. 13. ...т*рэн* — также трен, особо удлинённая часть юбки

или отстегивающийся шлейф (от *фр. traine*).

Портрет II

Адресат посвящения — поэт, прозаик, актер, позднее киновед и театральный режиссер В. В. Королевич (наст. фам. Королев, 1894-1969). В 1916 г. участвовал в гастролях И. Северянина и его вечерах в Петербурге и Москве. Автор поэтических сб. «Смуглое сердце» (1916) и «Сады дофина» (1918), эротической повести «Молитва телу» (1916) и сб. рассказов «Студенты столицы» (1916), активный участник «кафейных» поэтических чтений конца 1910-х гг. В настоящем издании приведены два его стих., посвященные Н. Поплавской. Ср. в воспоминаниях Р. Ивнева: «Писавшая дамские стишки и считавшая на этом основании себя поэтессой Наташа Поплавская была “королевой наркоманов”. Ее верным пажом был Влад Королевич» (Ивнев Р. Жар прожитых лет: Воспоминания, дневники, письма. СПб., 2007. С. 303).

В «миниатюре»

С. 30. *Пел без голоса белый Пьеро...* — Вероятно, речь идет о выступлении эстрадного артиста, поэта, композитора и певца А. Н. Вертинского (1889-1957). Вертинский начал эстрадную карьеру и создал свой сценический образ «лунного» Пьеро в т. наз. Мамоновском театре миниатюр. Черты Вертинского угадываются в «Жаке из миниатюр» из рассказа Поплавской «Маска страсти»: «Изящные, наивно-томные песенки его всегда имели шумный успех. Он умело владел своим небольшим голосом <...>». Вертинский исполнил написанную на слова Н. Поплавской песенку «*Jamais*» («Попугай Флобер»); ему же посвящено стих. Поплавской «Дама в лимузине» (см. ниже).

На мотив Н. Львовой

Н. Г. Львова (1891-1913) — поэтесса, автор единств. сб. стих. «Старая сказка: Стихи 1911-1912 г.» (1913). Покончила с собой пос-

ле бурного и трагического романа с В. Брюсовым.

У резного окна

С. 43. *Темнокудрый Игорь, королевич смуглый...* — Как можно видеть, в написанном от лица условной «княгини Ольги» стих. зашифрованы имена и И. Северянина, и В. Королевича. Ср. с заглавием сб. В. Королевича «Смуглое сердце» (1916).

Горе королевской дочери

Перевод стих. О. Уайльда «The Dole of the King's Daughter», вошедшего в сб. «Poems» (1881).

Я актриса. На лице моем...

С. 52. *Видишь не — тобой...* — так в тексте; вероятно, должно было стоять «Видишь — не тобой...»

«Тоту» — Певцову

Клоун Тот и наездница Консуэлла («Царица танго на конях») — главные действующие лица пьесы Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины» (1915). Актер театра и кино и театральный педагог И. Н. Певцов (1879-1934), которому посвящено также стих. Поплавской «Сонет» («Холодный блеск пустых, прозрачных глаз...») сыграл роль Тота в первой постановке пьесы в Московском драматическом театре (1915).

Дама в лимузине

С. 56. *А. Н. Вертинскому* — см. выше коммент. к стих. «В “миниатюре”».

М-лс Изиди

С. 58. *...кольца от Тэт'а* — Также «Тета». Имеются в виду ювелирные украшения с поддельными бриллиантами, получившими такое название от магазинов «Американского дома бриллиантов Тэт» в С.-Петербурге. В кругу Поплавской и не только считались отличительным признаком кокоток, дамочек полусвета, актрис варьете и т. п. (ср. частые упоминания в текстах В. Королевича).

Мое чувство к Вам — маленький ландыш...

Эпиграф, с небольшими искажениями — из стих. И. Северянина «Так уж случилось...» (1911).

С. 62. *...вы теперь играете Карандышева* — Карандышев — небогатый чиновник, герой драмы А. Н. Островского «Бесприданница» (1878).

Он только прапорщик...

Адресат посвящения, вероятно — одноклассник поэта В. Ф. Ходасевича и младший брат адвоката и альфонса С. Н. Дурасовича, описанного в мемуарном очерке Ходасевича «Черепанов» (1936): «Непревзойденным главой и арбитром московских эlegantов долгие годы считался Сергей Николаевич Дурасович. Его младший брат был со мной в одном классе. Сам же был старше нас года на три, на четыре, учился в той же третьей гимназии, но проходил курс наук не спеша, а затем и вовсе был исключен. Его отдали в частную гимназию Креймана, которую он окончил тоже не из первых. Был он красив собою и еще в креймановскую пору

пользовался большим успехом у женского пола, в котором предпочитал особ, бывших значительно старше и богаче его» и т. д. (Возрождение (Париж). 1936. 16, 26 марта). Ольге Дурасович (сестре?) посвящено стих. Н. Поплавской «Под сладкий плач румынского оркестра...»

Сонет

Адресат посвящения — актер И. Н. Певцов. См. выше коммент. к стих. «“Тоту — Певцову”».

Impression

С. 65. *Impression* — впечатление (*фр.*).

Улица черная, мокрая, длинная...

Адресат посвящения — известный актер немого кино В. А. Полонский (1879-1919).

Под сладкий плач румынского оркестра...

С. 72. *...cordon vert* — букв. «зеленая лента», сухое шампанское, в годы написания стих. это обозначение чаще всего применялось к сорту шампанского компании «G. M. Mumm et Cie» с зеленым ободком на горлышке.

Ты едешь пьяная и очень бледная...

Стих. прославилось как «городской» или «жестокий» романс на музыку неизвестного композитора в исполнении эстрадного певца П. К. Лещенко (1898-1954). Романс был широко известен еще до того, как Лещенко записал его на пластинки в 1936-1937 гг.

под назв. «Ты едешь пьяная» и «Ты едешь одинокая». В версии Лещенко вторая строка изменена на «...совсем одна», добавлены три строфы:

Пришлось узнать ей жизнь тротуарную
И быть любовницей не знать кого.
И только хмель один все разрешает:
Позор и стыд. И для чего?

А ведь когда-то она, счастливая,
В любви и верности клялась.
Теперь больная и вся разбитая
К себе домой она плелась.

И вот в каморочке муж слезно молится,
Она, родимая, уж не живет.
Любовник строгий того не знает,
Что больше нет ее, и не придет.

Романс существовал в многочисленных вариациях (подробней см. <http://a-pesni.org/dvor/tyhodichpian.php>), вплоть до распро- страненной в годы Второй мировой войны:

Ты ходишь пьяная, полураздетая
По темным улицам Махачкала.
Тебе мерещится шинель военная,
Погона желтая и звездочка одна.

Дешевый буду, я не забуду,
Тебя на свадьбу я позову.
Родится дочь моя, любить не буду,
Но твоим именем на память назову.

А на диване – подушки сбитые,
Ты полуголая сидишь одна.
Глаза янтарные, полужакрытые,
Губы искусаны и вдребезги пьяна.

Дешевый буду, я не забуду,
Тебя на свадьбу я позову.
Родится дочь моя, любить не буду,
Но твоим именем на память назову.

А муж обманутый и равнодушный
Напрасно ждет свою жену.
Любовник знает: она послушная,
Смеясь и плача, опять придет к нему.

С. 73. *Dуxи d'Orsay, коньяк Martel* — D'Orsay — парфюмерный дом, возникший в первой половине XIX в. и воссозданный в 1908 году; Martel — один из старейших коньячных домов, основан в 1715 г. Ж. Мартелем.

Приехать домой на рассвете

Адресат посвящения Р. Е. Столица (1879–1936/37) — инженер-механик, муж поэтессы Л. Н. Столицы (Ершовой, 1884–1934). Поплавская посещала их салон, где проводились литературные вечера под назв. «Золотая гроздь». Ср. в воспоминаниях Н. Серпинской: «"Я люблю, чтобы кругом меня дышали атмосферой любви, беспечных схождения, беспечальных разлук", — декламировала Любовь Никитична, сама покровительствуя легкому ухаживанию своего мужа, красивого, смуглого брюнета инженера, за внезапно выдвинутой режиссером Туркиным новой кинозвездой Верой Холодной. Младший брат мужа, с лицом молодого Вакха, глубоко и постоянно влюбленный в невестку, был основным вдохновителем ее "песенного дара". Они составляли крепко спаянный треугольник: муж, жена и любовник» (Серпинская Н. Флирт с жизнью: Мемуары интеллигентки двух эпох. М., 2003. С. 145).

Попугай Флобер

В ранних нотных изд. с обозначениями «муз. Пьеро», «сл. и муз. А. Н. Вертинского».

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПРОЗА ИЗ ПЕРИОДИЧЕСКИХ
ИЗДАНИЙ

На канате

Пчелка (Москва): Новый женский журнал. 1918, № 5 (май).

Из поэмы «Сын Человечий»

Жизнь и творчество русской молодежи (Москва). 1919. № 34-35, 1 июня.

Открытки

Пчелка (Москва). 1917. № 10.

Маска страсти

Пчелка (Москва). 1917. № 12 (июнь).

Эпиграф взят из стих. В. Королевича «От Тет'а», вошедшего в сб. «Смутное сердце» (1916). См. также коммент. к стих. «В “миниатюре”».

С. 99. ...*Coty* — знаменитая парфюмерная компания, основанная в 1904 г. Ф. Коти.

С. 100. ...*бандо* — дамская прическа: расчесанные на прямой пробор волосы закрывали уши и спускались вдоль щек, сзади же собирались в пучок.

С. 101. ...*синим эгретом* — Эгрет (от *фр. aigrette*) — похожее на брошь ювелирное украшение, крепящееся к головному убору или прическе.

С. 103. ...*paradi* — шляпное украшение в виде пучка перьев.

Обыкновенная дама. Как приходит любовь

Пчелка (Москва). 1917. № 15 (август). Под общим заголовком «Открытки» с миниатюрой Екатерины Эк.

Ты не придешь

Пчелка (Москва). 1917. № 15 (август).

С. 117. ...*belle-sOeur* — невестка (*фр.*).

С. 118. ...*Chypre Coty* — на момент написания рассказа новинка: этот цветочный аромат компании *Coty* был выпущен в 1917 г.

Бред красных роз

Пчелка (Москва). 1917. № 16 (август).

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ Н. ПОПЛАВСКОЙ

Б. Поплавский. Караваны гашиша

Стихотворение Б. Ю. Поплавского (1903-1935) публикуется по изд.: Поплавский Б. Собрание сочинение в трех томах. Т. 1: Стихотворения. М., 2009.

В. Каменский. Печаль творит красоту

Каменский В. Звучаль веснянки. М., 1918.

В. Королевич. Преступление Арлекина

Королевич В. Смуглое сердце. М., 1916.

В. Королевич. Зеленая татуировка

Королевич В. Смуглое сердце. М., 1916.

В. Шершеневич. Наталии Поплавской

Публикуется по: Шершеневич В. Г. Великолепный очевидец. Сост., вступ. ст. и прим. В. Дроздова. М., 2018. Это одно из стихотворений, не вошедших в окончательную версию сб. Шершеневича «Лошадь как лошадь» (1920).

К. Буров. Сестра Наталья умерла в Шанхае...

Публикуется по сайту www.stihi.ru.

Н. Равич. О книгах

Фонарь (Москва). 1917. № 1, 4 сент.

Стих. Поплавской цитируются с ошибками, в тексте опечатки: «в маленькой княжне» вместо «книжке», «на черных местах» вместо «листах».

Н. А. Равич (1899-1976) — советский разведчик, дипломат, прозаик, драматург, мемуарист, переводчик. В 1937 г. был репрессирован, в 1938-1946 гг. находился в лагере, в 1948-1954 гг. — в ссылке.

Клавдия М-и. Литературные заметки

Пчелка (Москва). 1917. № 11.

Оглавление

<i>От составителя</i>	5
Стихи зеленой дамы	6
<i>Стихотворения и проза из периодических изданий</i>	
На канате	93
Из поэмы «Сын человеческий»	94
Открытки	96
Маска страсти	99
Обыкновенная дама	108
Как приходит любовь	108
Ты не придешь	110
Бред красных роз	119
<i>Стихотворения, посвященные Н. Поплавской</i>	121
<i>Н. Равич. О книгах</i>	130
<i>Клавдия М-и. Литературные заметки</i>	132
<i>А. Шерман. «Зеленая дама» Серебряного века: К биографии Н. Ю. Поплавской</i>	135
Комментарии	110

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.